

**НАСЕЛЕНИЕ
РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАН**

МОСКВА
«СТАТИСТИКА» 1976

Редакционная коллегия:

Д. И. Валентей (главный редактор), Д. Л. Бронер,
Л. Е. Дарский, А. Я. Кваша, Р. С. Ротова, В. С.
Стешенко, Б. С. Хорев
Т. Г. Лифарь — ответственный секретарь
Редактор-составитель: Э. Ю. Бурнашев

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы народонаселения развивающихся стран, социальные, экономические и экологические последствия высоких темпов прироста их населения. Значительное внимание уделяется изучению демографических аспектов занятости, особенностей процессов урбанизации, вопросов ликвидации неграмотности, совершенствования системы подготовки квалифицированных национальных кадров для народного хозяйства этих стран, обеспечения населения продовольствием. Анализируется целевое назначение иностранной помощи освободившимся странам в деле планирования семьи, наряду с этим в книге показано значение опыта социально-демографического развития советских республик Средней Азии для освободившихся государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Сборник рассчитан на демографов, экономистов, страноведов, а также может быть использован лекторами-международниками, пропагандистами сети политического просвещения.

Н 10805-143
008(01)-76 46-76

© Издательство «Статистика», 1976

В. Колесов

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РОСТ НАСЕЛЕНИЯ В ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАНАХ

В результате краха мировой колониальной системы образовались десятки независимых государств, важнейшими проблемами общественного развития которых явилось укрепление суверенитета, преодоление экономической отсталости, создание независимой национальной экономики, повышение жизненного уровня народа. Как отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, главными направлениями перемен во многих развивающихся странах в последние годы стали «перенесение центра тяжести в развитии промышленности на государственный сектор, ликвидация феодального землевладения, национализация иностранных предприятий, направленная на установление эффективного суверенитета молодых государств над своими природными ресурсами, формирование собственных кадров»¹.

Все эти преобразования направлены на решение центральной проблемы современного этапа национально-освободительного движения — ускоренного экономического развития, являющейся не только важнейшей, но и наиболее сложной во всем комплексе проблем, стоящих перед освободившимися странами. Наряду с объективными экономическими законами на нее воздействуют закономерности эволюции социально-классовой структуры в этих странах, борьба двух мировых общественных систем и успехи мировой социалистической системы в этой борьбе, а также происходящая в мире научно-техническая революция.

Экономическое развитие освободившихся стран имеет целый ряд специфических аспектов, обусловленных особенностями взаимодействия экономических и демографических процессов. В наиболее общем смысле характер этого взаимодействия заключается в том, что ускоренное экономическое развитие не может происходить в отрыве

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 11—12.

от процесса воспроизводства населения и характерных для него демографических структур, изменяющихся под влиянием не только экономических, но и собственных закономерностей. Демографические процессы, по всеобщему признанию, оказывают в этих странах существенное влияние на темпы и пропорции экономического развития; учет их позволяет более правильно подойти к оценке характера и критериев экономического развития.

Прежде всего внимание исследователей привлекает характер демографических структур, отражающих особенности естественного движения населения, сложившегося под воздействием колониальных условий их исторического развития. Завоевание независимости, открывшей перед ранее угнетавшимися народами возможность использования достижений мирового научно-технического прогресса, сопровождалось неравномерной и асинхронной динамикой двух важнейших демографических явлений — рождаемости и смертности. Применение современных медицинских средств, медицинского обслуживания и методов борьбы с болезнями и эпидемиями привели к значительному снижению смертности, а также к тому, что средняя продолжительность жизни людей резко возросла. Однако экономический и культурный прогресс происходил медленными темпами, поэтому за годы независимости материальные условия жизни в целом, а также демографическое поведение населения изменились незначительно. Рождаемость продолжает оставаться высокой, сохраняя динамику, характерную для традиционного в этих странах типа воспроизводства населения.

Разрыв в динамике рождаемости и смертности вызвал ускорение роста населения («демографический взрыв») со всеми его последствиями в отношении социально-экономических структур населения и некоторых экономических пропорций. Интенсивный прирост населения, имевший своей основой докапиталистические формы и методы организации общественного производства и сохраняющийся в результате широкого распространения пережитков этих форм, а также инерции демографического поведения населения, вступил в противоречие с современной организацией экономической жизни, предъявляющей новые требования к качественным характеристикам населения. Экономический и социальный прогресс требует таких ресурсов на цели накопления, обеспечения занятости, профессиональной подготовки, подъема материального и

культурного уровня жизни населения, которые в развитых странах общество выделяет исходя из возросшей производительности труда и более современных методов организации общественного производства при соответствующих им темпах роста населения. Возможности развивающихся стран в этом отношении намного скромнее, а быстрый рост населения еще более сужает их. Подсчитано, например, что при ежегодном увеличении национального дохода на 5—6%, а населения — на 2,5—3% не менее чем $\frac{2}{3}$ прироста национального дохода идет на поддержание прежнего уровня потребления, т. е. поглощается растущим населением. Промышленное производство непременно требует увеличения капиталонакоплений и сопровождается относительным сокращением доли живого труда. У развивающихся же стран в силу быстрого возрастания населения способность увеличения доли накопления сокращается и, напротив, растет предложение труда, применение которого сдерживается как раз недостающими материальными условиями производства.

Беспрецедентный характер такого противоречивого взаимодействия экономических и демографических процессов породил различие мнений относительно путей выхода из сложившейся ситуации. Многие буржуазные авторы, считая главной причиной такого положения быстрый рост населения, видят выход главным образом в осуществлении демографических мер, направленных на сокращение рождаемости. Марксистско-ленинская наука о народонаселении, признавая целесообразность проведения активной демографической политики, предполагает, что в историческом плане демографические процессы определяются социально-экономическими факторами общественного развития; и возлагать на демографическую политику решение всех проблем этого развития в освободившихся странах вряд ли возможно. Для преодоления последствий создавшейся ситуации недостаточно одних демографических мер, так как неблагоприятная демографическая ситуация послужила лишь катализатором обострения проблем, порожденных историческими обстоятельствами формирования социально-экономических условий развития этих стран. Для решения сложнейших социально-экономических задач в освободившихся странах необходимы преобразования всей сложившейся структуры производственных отношений.

Экономическое развитие освободившихся стран не яв-

ляется изолированным процессом. Занимая своеобразное положение в системе мирового капиталистического хозяйства, будучи его составной частью, они в своем экономическом развитии тесно связаны с общими тенденциями этого хозяйства, главной чертой которого является усиливающаяся диспропорция между развитыми капиталистическими и развивающимися странами. Так, среднедушевой размер валового внутреннего продукта (ВВП) в развивающихся странах два десятилетия назад был в 11 раз ниже, чем в развитых капиталистических странах. В настоящее время этот разрыв увеличился до 13 раз, а, например, для стран Африки — до 17 раз. Возникновение независимых государств вызвало уже в 50-х годах на Западе поток литературы по вопросам их будущего социального устройства и характера развития.

При этом предполагалось, что развитие должно происходить непременно по западному образцу, в рамках капиталистического способа производства. Неизбежным результатом применения традиционных для буржуазной науки методов экономического анализа к странам с совершенно другой социально-экономической структурой и экстраполяцией сложившихся темпов роста была пессимистическая картина перспектив достижения новыми государствами уровня развитых стран лишь через многие десятки и даже сотни лет¹.

Подчиняя экономическое развитие освободившихся стран только задаче повышения размера подушевого дохода и предполагая решить ее в рамках капиталистической системы хозяйства, западные теоретики выработали и соответствующий механизм развития, параметрами которого были предложены размер инвестиций, эффективность их использования, процент прироста национального дохода с поправкой на темп роста населения. Соответственно и рекомендации развития сводились к увеличению нормы накопления, повышению соотношения капитал/продукт, определению заданных темпов роста нацио-

¹ Правильность такого подхода вызывала сомнения даже в западной литературе. Их весьма категорично выразил, например, Г. Мюрдаль: «...когда теории и идеи, соответствующие конкретным условиям западного мира и, таким образом, содержащие реальные представления лишь об определенной социальной действительности, используются для исследования совершенно иных процессов в слабо-развитых странах Южной Азии, последствия становятся весьма серьезными» (Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972, с. 88).

нального дохода при некотором воздействии на отраслевую структуру экономики, а также к мерам снижения рождаемости.

Говоря об этих «теоретических изысканиях» в целом, следует отметить, что, несмотря на те или иные субъективные намерения их авторов, они вполне соответствуют неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИМ интересам. НеокOLONИАЛИСТЫ стремятся не допустить каких-либо прогрессивных социальных изменений в развивающихся странах. Им подчинен весь механизм внешнеэкономических связей империалистических и развивающихся стран, включая и ту их часть, которая получила с изрядной долей лицемерия название «помощь развитию».

В марксистско-ленинской литературе проблема развития освободившихся стран всегда рассматривалась как комплексная социально-экономическая проблема современной эпохи перехода от капитализма к социализму. Крушение колониальной системы является одним из ярких проявлений общего кризиса капитализма, а действительная борьба освободившихся стран за экономический прогресс имеет антиимпериалистический характер. В условиях, когда существует более прогрессивный общественный строй — социализм, ориентация на создание капиталистического общества предполагает развитие с ограниченными пределами. В современных условиях у народов освободившихся стран существует возможность ускоренного общественного движения вперед — некапиталистический путь, содержание развития при котором не сводится к ликвидации различий в подушевом доходе, а представляет собой комплекс коренных социально-экономических преобразований, обеспечивающих в конечном счете ликвидацию отсталости.

В марксистско-ленинское понимание отсталости развивающихся стран входит совокупность трех признаков: отсталость в развитии производительных сил, отсталость в развитии общественных отношений, зависимость от империалистических стран. Ликвидация отсталости означает в марксистско-ленинском понимании решение всех проблем, входящих в каждый из названных признаков, и не может быть сведена только к одному из каких-либо конкретных, в известной мере даже обобщающих, проявлений отсталости, в том числе подушевому доходу.

Сведение процесса развития лишь к показателю подушевого дохода не только резко сужает и обедняет само

понятие «развитие», но и имеет серьезные изъяны. Этот показатель, подобно кривому зеркалу, неверно отражает реальность, характерную для развивающихся стран.

Во-первых, он не может точно отразить реальный экономический разрыв между развитыми капиталистическими и развивающимися странами ввиду больших различий в структуре и характере их экономики. Подсчет объема валового продукта или национального дохода производится на основе статистики объема продаж товаров и услуг. При этом, естественно, в силу неразвитости в освободившихся странах общественного разделения труда из подсчета выпадают продукты и услуги, производимые в натуральном хозяйстве. Вне сферы торговых отношений только в Африке находится 70% обрабатываемой площади, 50% производства и $\frac{2}{3}$ населения¹. Таким образом, значительная часть реального общественного продукта не учитывается, поэтому как абсолютный, так и подушевой уровень занижается, а сопоставимость данных оказывается под сомнением.

Во-вторых, показатели ВВП или национального дохода на душу населения исчисляются в долларах США, т. е. в валюте страны, образ жизни которой настолько отличается от образа жизни в развивающихся странах, что они становятся несопоставимы. Это вынуждены признать даже некоторые западные авторы. Например, французский экономист Ж. Отрюи, пытаясь провести сравнительные расчеты (в долларах) по США и развивающимся странам, пришел к выводу, что в них должны вноситься такие поправки, которые лишают смысла все сравнения².

В-третьих, за показателем душевого дохода в развитых капиталистических странах скрываются серьезные пороки капиталистической системы: диспропорциональность экономики, безработица и нищета значительной части населения, угроза состоянию окружающей среды и др. Рост душевого дохода в капиталистических странах, к которому призывают они и развивающиеся страны, в значительной мере обусловлен «вкладом» ненужных, с точки зрения интересов общества, компонентов валового продукта. К ним прежде всего относится производство вооружения (в США, например, военные расходы вдвое превы-

шают ВВП развивающихся стран Африки), а также формы потребления, которые вызваны не потребностями общества, а погоней капитала за наживой, стремлением подчинить этой цели структуру общественного потребления.

В-четвертых, среднегодовой душевой доход в развитых капиталистических странах скрывает огромное неравенство в распределении доходов. В ориентации развивающихся стран на такой показатель заинтересованы больше всего привилегированные слои этих стран. Неравномерность распределения доходов в них иногда более значительна, чем в капиталистических странах. Если в последних на долю 5% наиболее богатых слоев населения приходится 19,9% национального дохода, то в развивающихся странах на их долю приходится 28,7% национального дохода. Соотношение среднего дохода 10% наиболее бедных слоев и среднего дохода 10% наиболее богатой части населения составляет во Франции 1:76, в Дании 1:20, в Великобритании 1:15, в Бразилии 1:25, в Индии 1:36¹. Вследствие усиления поляризации доходов развитие для большинства населения освободившихся стран не будет сопровождаться улучшением условий жизни. Поэтому проблема ликвидации социального неравенства, более справедливого распределения доходов для развивающихся стран оказывается не менее важной, чем рост среднего дохода на душу населения².

¹ «Le Monde diplomatique», 1975, avril, № 253, p. 9. Усиление неравномерности распределения доходов в развивающихся странах был вынужден признать президент Международного банка реконструкции и развития (МБРР) Р. Макнамара, который, выступая в совете управляющих МБРР в Найроби в 1973 г., отметил, что 40% населения развивающихся стран живет в условиях абсолютной нищеты, и высказался за «необходимость переориентации политики развития с тем, чтобы она обеспечивала более равномерное распределение национального дохода».

Это высказывание представляется, однако, не более чем данью усилившейся в развивающихся странах критике идей «догоняющего развития», ибо конкретные предложения президента МБРР ограничились лишь рекомендациями оказания помощи мелким фермерам («Общественные науки за рубежом». РЖ. Сер. 2, № 2, 1975, с. 320).

² Мы остановились только на некоторых проблемах, свидетельствующих, что показатель душевого дохода не может быть принят в качестве основного критерия развития. Число их можно увеличить. Так, этот показатель не учитывает реальные потребности развивающихся стран, например, в силу их природно-климатических условий. В развитых странах значительная часть ВВП производится в целях, например, удовлетворения потребностей теплового комфорта (значительная часть стройматериалов, топлива, энергии, металла, меха и

¹ «Jeune Afrique», 1970, № 474, p. 36.

² Austruy J. Le scandale du développement, Paris, 1968, p. 120—121.

Понимание того, что развитие не может сводиться к росту ВВП, находит все большее распространение в самих развивающихся странах. Ганский экономист Е. Омабо считает, что «проблемы, с которыми сталкиваются большинство развивающихся стран, в настоящее время, особенно в Африке, далеко выходят за рамки простого увеличения производства товаров и услуг, которое достаточно полно характеризуется подсчетом краткосрочных изменений в ВВП... Вместо того, чтобы направлять африканские страны исключительно на достижение рекомендуемых ООН темпов роста в 6% в наступающем десятилетии, необходимо рекомендовать африканским странам сосредоточить свои усилия в основном на решении кардинальных экономических, социальных и политических проблем континента. Это приведет к структурным изменениям в африканской экономике и социальной жизни и позволит поддерживать процесс развития в будущем»¹.

Более широкое толкование процесса развития появляется и у некоторых буржуазных авторов. Но в отличие от экономистов освободившихся стран, озабоченных поисками путей и средств развития своих стран, они выступают, чтобы предотвратить дискредитацию капиталистической ориентации развития. В связи с этим выдвигается множество предложений о замене показателя подушевого размера национального дохода либо системой показателей, с разных сторон характеризующих качественные аспекты экономического развития, либо системой натуральных показателей, обеспечивающих сопоставимость сравнения обеспеченности населения разных групп стран важнейшими средствами существования.

Проблема измерений экономического роста привлекает внимание международных организаций, действующих при ООН, а также активно обсуждается в международных экономических организациях неокOLONиалистского направления — Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), МБРР и др. И не случайно, что в настоящее время существует немало различных систем показателей измерения экономического развития.

Общим для них является произвольность в определении наборов показателей, чрезмерная формализация, вы-

званная стремлением приспособить статистические данные к существующим эконометрическим моделям и методам, игнорирование социальных аспектов развития. Суть не меняется и от того, что в сопоставления вводятся целый ряд показателей, отражающих уровень жизни населения. Подобно тому как в «потребительском обществе» удовлетворение материальных и культурных потребностей человека не стало целью общественного производства, так и в данном случае использование показателей потребления материальных благ еще не означает, что целью экономического развития всех освободившихся стран становится удовлетворение запросов населения. «Вещный» характер международных сопоставлений в связи с проблемой сокращения разрыва в уровнях экономического развития не противоречит интересам империалистических стран, поскольку для их монополий это в конечном итоге может обернуться расширением рынков сбыта товаров.

С точки зрения реальности и полноты отражения в международной статистике процесса развития освободившихся стран идеальным, вероятно, был бы переход к регулярному и систематическому использованию системы уже существующих показателей, которые в настоящее время, однако, получаются расчетным путем и весьма приблизительны. Представляется, что такая система показателей должна отражать изменения основных проявлений всех трех признаков развивающихся стран: развитие производительных сил, эволюцию общественных отношений, изменение степени зависимости. Это могут быть показатели, имеющие количественное выражение, а также достаточно четко сформулированные положения. Не претендуя на полноту и целостность такой системы, можно указать, что такими показателями могут стать показатели изменения отраслевой структуры экономики, роста производительности труда, показатели, учитывающие состояние человеческого фактора производительных сил: занятость, уровень образования и др., а также степень товарности хозяйства, доли внешних источников в финансировании и т. п. Наряду с ними может использоваться и показатель дохода на душу населения. При этом, естественно, возрастут требования к теоретическому обоснованию выбора показателей и каждого из них в отдельности, а также в отношении их статистического обеспечения.

т. п.), которые отсутствуют или значительно меньше в развивающихся странах.

¹ «Проблемы Африки». Вып. 3. Экономическая мысль в Африке. М., 1972, с. 151—152.

Как ни важна проблема измерений, главное значение имеет все же понимание самого характера развития. Проблема развития освободившихся стран не может быть поставлена и правильно решена вне связи с социальными аспектами развития, в отрыве от оценки исторической перспективы их общественного устройства. Необходимость внутренних социально-экономических преобразований для ликвидации разрыва в уровнях экономического развития вытекает из объективной потребности развертывания больших усилий развивающихся стран по мобилизации всех имеющихся ресурсов на цели развития и перестройки колониальной структуры экономики. Имеющиеся ресурсы скованы и при существующих общественных структурах часто просто не могут быть вовлечены в общественное производство. Например, потенциально большие ресурсы накопления в условиях многоукладного общества не приводятся в действие в достаточной степени из-за того, что привилегированные слои и традиционная верхушка населения этих стран паразитически используют прибавочный продукт общества и сдерживают его рост, сохраняя архаичные формы организации труда и производства. Трудовые ресурсы используются, как известно, не полностью: от 30 до 50% активного населения этих стран либо совсем не могут найти работы, либо заняты частично. Богатейшие природные ресурсы пока также далеко еще не в полной мере поставлены на службу национальным интересам. Преобладание архаичных общественных отношений является тормозом и в применении достижений научно-технического прогресса. Решение задачи обеспечения ускоренного экономического развития зависит от многих причин, от возможности осуществить радикальные преобразования сложившейся социально-экономической структуры. Без преувеличения можно сказать, что изменение системы общественного устройства, устранение экономического и социального неравенства в самих развивающихся странах, ликвидация эксплуатации их населения и ресурсов со стороны империалистических государств являются важнейшим условием и решающей предпосылкой ускоренного развития и ликвидации разрыва в уровнях экономического развития.

Общее направление перестройки сложившейся структуры производственных отношений в освободившихся странах определяется, в первую очередь, степенью стремления их избавиться от пут архаичных и косных отноше-

ний, характерных для докапиталистических укладов. К ним прежде всего относится общинный уклад. Связанные с ним замкнутость небольших групп людей и поселений, родовые пережитки, архаичные системы землепользования, примитивные приемы обработки земли, уравнительное распределение, многочисленные древние обычаи, предписания и сковывающие инициативу людей ограничения не позволяют поднять уровень производства и производительности труда, преодолеть последствия отсталости. Все еще широко распространены и пережитки феодализма. При всем многообразии форм феодальных отношений главными отличительными чертами их являются сосредоточение значительной части земли и средств производства в руках крупных собственников и наличие мелких малопродуктивных мелкокрестьянских хозяйств и безземельных крестьян, примитивный уровень производства с использованием преимущественно ручного труда. Сконцентрировав в своих руках огромные земельные владения, феодалы не могут обеспечить их рациональное использование. Ликвидация пережитков феодализма, как и общинного уклада, является назревшей задачей на пути прогресса освободившихся стран.

В оценке характера стоящих перед развивающимися странами задач нельзя не учитывать и того, что масштабы структурных сдвигов, необходимых для достижения высоких темпов экономического развития, несоизмеримы и с возможностями местного частнокапиталистического предпринимательства, стихийного рыночного регулирования экономических процессов. Капиталистическая организация производства, бесспорно, более динамична в сравнении с названными выше формами. Однако с точки зрения долговременных стратегических оценок ее возможностей она также оказывается бесперспективной. Освободившиеся страны в процессе своего развития приобретают к современному уровню производительных сил. Но общественный характер этих производительных сил требует более высоких и совершенных по сравнению с местным частнокапиталистическим предпринимательством форм общественной организации производства.

Выход из противоречия между громадными потребностями экономического развития и ограниченными возможностями национального частного капитализма развивающиеся страны видят в усилении экономической роли государства. Наиболее ярким выражением этого явля-

ется рост государственного сектора экономики, играющего особенно активную преобразующую роль в странах социалистической ориентации. Он представляет собой экономическую основу некапиталистического развития и не просто дополняет частную капиталистическую собственность, а принимает такие масштабы, которые фактически лишают буржуазию возможности использовать большую часть средств производства в интересах эксплуатации наемного труда. Его предприятия не только перестают быть собственностью частных лиц, но и все более очевидной становится утрата ими характера коллективной собственности класса буржуазии в целом.

Антикапиталистическая направленность государственного сектора может проявиться полностью лишь по мере дальнейшего продвижения развивающейся страны по пути некапиталистического развития в целом ряде других областей экономической жизни, а также в сфере внутриполитической жизни, культуры, идеологии. Наряду с ростом государственного сектора закономерностями, составляющими экономическое содержание некапиталистического развития, являются ликвидация господства иностранного капитала, ограничение национального капитала, внедрение плановых начал в экономику, изменение ее отраслевой структуры на основе индустриализации, установление контроля над финансово-банковской системой и внешней торговлей, повышение жизненного уровня трудящихся и другие преобразования.

Политическое содержание процесса некапиталистического развития характеризуется консолидацией прогрессивных демократических сил, созданием революционно-демократической партии и переходом ее на позиции научного социализма, образованием национально-демократического государства, развития демократии, изоляцией реакционных элементов. Успех продвижения по пути некапиталистического развития зависит прежде всего от соотношения классовых сил, готовности и способности прогрессивных демократических сил обеспечить преобразования, составляющие политическое содержание некапиталистического развития, а также изменения в сфере экономики, социальной, культурной, идеологической областях. Опыт некапиталистического развития показывает теснейшую зависимость проблемы ликвидации экономического отставания от социально-экономических преобразований, открывающих возможности наиболее полного и эф-

фективного использования потенциально больших трудовых, материальных, энергетических, земельных и других ресурсов развивающихся стран в целях увеличения темпов экономического развития и подъема жизненного уровня населения. Только в ходе осуществления коренных социально-экономических преобразований в развивающихся странах могут возникнуть предпосылки такого социально-демографического развития, которые будут означать отход от старых стереотипов демографического поведения.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В современном изучении населения мира, в том числе развивающихся стран, примечательной вехой стала Всемирная конференция ООН по народонаселению, состоявшаяся в августе 1974 г. в Бухаресте. Предшествовавшее ей десятилетие было периодом нарастающей международной демографической активности, острых идеологических дискуссий, в ходе которых происходило дальнейшее утверждение основных методологических принципов марксистско-ленинской теории народонаселения в борьбе с псевдонаучными взглядами. Эта борьба развернулась по двум направлениям: с вульгарно-материалистическими воззрениями, абсолютизирующими значение экономических факторов и, следовательно, отрицающими какую-либо активную роль демографических явлений в общественном развитии, а также с разного рода мальтузианскими по своей сути концепциями, пытающимися неправомерно распространить правила размножения растений и животных на человеческое общество, свести все многообразие исторического процесса к действию биологического закона борьбы за существование, объяснить происхождение конкретно-исторических проблем преимущественно демографическими причинами.

Бухарестская конференция подвела определенный итог периоду уточнения теоретических основ демографических исследований. Она отвергла неомальтузианские рекомендации и заняла в целом верные позиции, подчеркнув первоочередное значение социально-экономических факторов перед демографическими при решении проблем народонаселения. Вместе с тем принятый конференцией «Всемирный план действия в области народонаселения» вывел демографическую науку на новые рубежи. Задача практической реализации его принципиальных положений при разработке национальных политических мероприятий в демографической сфере потребовала наряду с

дальнейшим расширением теоретических знаний углубленного изучения механизма диалектического взаимодействия сложного и многообразного комплекса общественных явлений в конкретных условиях отдельных стран и регионов, тщательного учета не только особенностей национальной экономики, но и своеобразия географической обстановки, а также специфики различных общественных моментов надстроечного порядка.

Без такого «страноведческого» комплексного подхода даже самые правильные общетеоретические положения остаются мертвой схемой, не способной оказать практическую помощь в решении реальных проблем народонаселения, в том числе кардинальной проблемы — взаимоотношения населения и природной среды, которая вызывает все большую озабоченность у международной общности из-за угрозы так называемого экологического кризиса.

Исторически эта проблема существует со дня появления на земле первых людей, и ее суть кроется в двойственности самой человеческой природы: с одной стороны, человек неотделим от природы, имеет общую биологическую основу со всем животным и растительным миром, с другой — в отличие от животных он не пассивно существует в природе, а противостоит ей, активно изменяет ее в своих целях при помощи орудий труда; причем совершает это не в одиночку, а объединяясь для совместной деятельности с другими людьми, что ведет к установлению между ними определенных производственных отношений и придает производству общественный характер.

Таким образом, взаимоотношение населения и природной среды существует только в рамках этих социальных связей и опосредствованно созданными человеком орудиями, средствами труда, которые дополняют и усиливают естественные органы человека в процессе присвоения продуктов природы и использования их для производства материальных благ. Чем дальше отдаляется человечество от животных, чем больше развиваются производительные силы, совершенствуются орудия труда, техника, тем более целенаправленным, более интенсивным становится воздействие людей на природу, но и (до тех пор, пока это воздействие остается стихийным) более губительным для природы. Бездумное вмешательство человека в биологический кругооборот ведет к нарушению его естественной сбалансированности и вызывает непредви-

денные тяжелые последствия: уничтожение естественной растительности и животных видов, истощение водных ресурсов и катастрофические наводнения, эрозию почв и т. п. «...Культура, — если она развивается стихийно, а не направляется сознательно...», — писал К. Маркс, — оставляет после себя пустыню...»¹

Этот процесс имеет и свою демографическую сторону, хотя ее роль вторична по отношению к технике. Развитие производительных сил, рост производительности труда в результате совершенствования орудий труда определяют в конечном итоге исторические особенности воспроизводства населения, в частности вызывают постепенное снижение смертности и как следствие ускоряющееся увеличение численности жителей земли. Так, если за сотни тысячелетий истории человечества население мира возросло к началу нашей эры всего до 230 млн. человек, то за последние 18 столетий оно достигло уже почти 1 млрд., в начале нынешнего века превысило 1,5 млрд., в середине века — 2,5 млрд., а в 1976 г. составляет 4 млрд. человек. В свою очередь, с ростом численности населения увеличивалась потребность в средствах существования и соответственно усиливалось использование естественных ресурсов, развивалось сельскохозяйственное и промышленное производство, что усугубляло экологическую проблему, тем более что по мере расселения человечества по ранее необитаемым территориям эта проблема все более утрачивала локальный характер и приобретала черты повсеместности.

Взаимоотношение человечества и природной среды оказалось на грани глобального кризиса во второй половине текущего века в связи с развернувшейся в мире беспрецедентной научно-технической революцией. Правда, в разных группах стран эта кризисная ситуация складывается по-разному. В экономически развитых государствах, где собственно и произошла научно-техническая революция, необычайно возросли технологические возможности воздействия общества на природу. В тех условиях, когда сохраняется капиталистическая система хозяйства с ее погоней за частнособственническими выгодами без надлежащего учета отрицательных последствий для природы и общества (особенно отдаленных последствий), оно становится главной причиной тревожной деградации

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 45.

природной среды. Демографические факторы не играют при этом сколько-нибудь значительной роли, так как в экономически развитых странах в целом еще со времени, предшествовавшего НТР, неизменно сохраняются низкие темпы роста населения. Хотя, конечно, нельзя не учитывать размер населения отдельных стран: США, например, заражают природную среду во много раз больше, чем Швеция, не только из-за определенных различий в технических характеристиках, но также и потому, что имеют 216 млн. жителей, тогда как Швеция — всего лишь немногим более 8 млн.

Иное положение в развивающихся аграрных странах, где НТР оказывает лишь ограниченное, хотя и постоянно возрастающее воздействие на общественный прогресс. В основном оно приходит извне, поскольку собственное участие развивающихся стран в мировых научных открытиях и их техническом освоении остается пока сравнительно незначительным из-за недостатка необходимых средств и квалифицированных кадров. Тем не менее, вступив на путь индустриализации, многие развивающиеся страны уже отчетливо ощущают ее отрицательные экологические последствия. Острая нехватка капиталов, стремление получить максимальную экономическую отдачу в возможно более короткие сроки и с наименьшими затратами побуждает к «экономии» при промышленном строительстве, как правило, прежде всего за счет расходов на введение в действие очистительных сооружений, стоимость которых остается очень высокой¹. Как откровенно заявил представитель Шри Ланка Т. С. Амерасинге на конференции по проблеме окружающей среды в Азии (июнь 1971 г.), все развивающиеся страны знают об этой проблеме, «но они вполне готовы принять от развитых стран даже 100% их общего национального загрязнения, если таким образом смогут поднять свою экономику путем индустриализации»².

¹ Так, в одном из экономических исследований (1973 г.) отмечалось, что химический завод, чистая стоимость продукции которого составляла 20 млн. фунтов стерлингов, должен был затратить 10 млн. фунтов на очистительные сооружения. По другим данным, относящимся к 1972 г., стоимость современного пылеочистительного оборудования на цементных и глиноземных заводах достигала 15% всех капиталовложений, на электростанциях, работавших на буром угле, — 10%, а его эксплуатация (без амортизационных расходов) обходилась примерно в 5% производственных затрат предприятия.

² Цит. по: «Народы Азии и Африки», 1974, № 5, с. 37.

Большой ущерб природе развивающихся стран наносит экономическая деятельность империалистических монополий и прежде всего хищническая добыча и вывоз невозобновляемого минерального сырья, вырубка лесов для получения ценных пород древесины или разведения плантаций. За последние годы североамериканские, западноевропейские и японские промышленные компании, сталкиваясь в своих странах с решительными протестами общественности против загрязнения окружающей среды, все чаще переводят на территорию развивающихся государств нефтеперерабатывающие, химические, целлюлозные и другие предприятия, особенно вредные в экологическом отношении.

И все же современная экологическая ситуация в развивающихся странах пока лишь в сравнительно небольшой степени определяется развитием новейшей техники, которое в условиях сохраняющейся отсталой социальной структуры и низкого уровня накопления капитала остается все еще слишком медленным, лишенным прочной экономической базы и органически не связанным со всей системой хозяйства.

В этих условиях, в отличие от промышленно развитых стран, первоочередное значение получил демографический фактор — резкое ускорение примерно с середины нынешнего века темпов роста населения развивающихся стран в результате быстрого снижения уровня смертности благодаря определенным экономическим, социальным и политическим причинам. Так, если за 1940—1950 гг. численность жителей Южной Азии¹ увеличилась на 14%, Африки — на 16% и Латинской Америки — на 25%, то в следующее десятилетие (1950—1960 гг.) это увеличение уже составило соответственно 24, 23 и 31%. В 1970—1975 гг. среднегодовые темпы роста всей группы развивающихся стран равнялись 2,3% (по сравнению с 1% в первой половине века), в том числе в Южной Азии — 2,6%, в Восточной Азии — 1,6%, в Африке — 2,6% и в Латинской Америке — 2,7%. В отдельных развивающихся странах прирост населения превышает 3%.

Соответственно увеличивается абсолютная величина населения развивающихся стран. За 20 лет (1950—1970 гг.) здесь добавилось около 900 млн. жителей (или

¹ По классификации ООН включает Юго-Восточную Азию, страны Индостана, Среднего и Ближнего Востока.

почти 80% мирового прироста), т. е. больше, чем проживало в 1960 г. в европейских странах, СССР и Северной Америке вместе взятых. Если в 1940—1950 гг. среднегодовой прирост равнялся 18 млн. человек, то в 1950—1960 гг. он составил уже 37 млн., а в 1970—1975 гг. — 62 млн. человек, из которых около 70% приходилось на страны Азии¹.

Примечательным в этих демографических сдвигах явилось необычайное ускорение процесса урбанизации, который в развивающихся странах протекает вдвое быстрее, чем общий рост населения. С 1950 по 1970 г. среднегодовые темпы увеличения городского населения составляли 4,8% в Африке, 4,5% — в Восточной Азии, 4,4% — в Латинской Америке и 3,8% — в Южной Азии. Общая численность его возросла на 367 млн. человек, причем особенно быстро росло население крупных городов: если в 1950 г. в развивающихся странах насчитывалось 24 крупных города с населением в 1 млн. человек и более и с общим числом жителей в 48 млн., то в 1970 г. стало уже 72 таких города, а число жителей в них увеличилось до 193 млн. Важно также отметить, что быстрый рост городского населения происходит в развивающихся странах с одновременным ростом сельского населения (более чем на 0,5 млрд. человек за 1950—1970 гг.).

Эти демографические процессы серьезно обостряют и без того сложные социально-демографические проблемы, унаследованные развивающимися странами от колониального периода. В частности, как уже отмечалось, они способствуют появлению экологических проблем, основу которых составляет общая хозяйственная и культурная отсталость, недостаток средств, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей быстро растущего населения. Выступая на конференции ООН по вопросам окружающей среды (Стокгольм, июнь 1972 г.), премьер-министр Индии Индира Ганди специально подчеркнула это обстоятельство: «Разрушение окружающей среды вызывает у нас большое беспокойство, но в то же время мы ни на минуту не можем забывать об ужасающей нищете огромного количества людей. А не являются ли бедность

¹ Здесь и ниже данные текущей и перспективной демографической статистики приводятся по материалам ООН: E/Conf. 60/CBP/15, 16 Apr. 1974; E/Conf. 60/CBP/14, 16 Apr. 1974; ESA/P/WP. 53, 10 Mar. 1975.

и нищета сами по себе причиной загрязнения окружающей среды?... Проблема окружающей среды в развивающихся странах не является следствием интенсивной индустриализации, она проистекает из недостаточного развития»¹.

Пожалуй, наиболее отчетливо экологическая проблема развивающихся стран проявляется в процессе урбанизации. Быстрое умножение численности городского населения, его чрезмерная концентрация в немногих крупнейших городах без соответствующего развития экономической базы приводят этому процессу особенно уродливые черты, поскольку жилищное, коммунальное, транспортное строительство безнадежно отстает от городских потребностей. Неэффективными, в частности, оказываются канализационные системы, возрастающий объем опасных в санитарном отношении отходов все больше превышает поглощающие возможности почвы и природных стоков. Так, индийская пресса сообщала в 1972 г., что в Бомбее только один район (Ворли) ежедневно сбрасывал в море 300—400 млн. литров высокоинфекционных нечистот, и, если бы не морские отливы, эти нечистоты покрыли бы в прибрежных водах площадь в 40—50 кв. км глубиной до 5—7 м². Гонконг ежедневно сбрасывал в прибрежные воды около 900 млн. литров неочищенных сточных вод; каналы Тайбея поглощают такое количество неочищенных вод, что зараженность воды в них в 10 раз превышает опасную дозу².

Значительное увеличение сельского населения также нередко ведет к дальнейшей деградации жилищных и санитарно-гигиенических условий жизни в деревнях. Особенно тревожной становится возрастающая нехватка чистой питьевой воды. По оценке ООН, темпы роста численности жителей сельских районов начинают опережать темпы водоснабжения, вместе с тем усиливается загрязнение водных источников бытовыми и промышленными отходами: в результате в настоящее время большая часть населения развивающихся стран (по сведениям Всемирной организации здравоохранения, около половины мирового населения) пользуется водой, вредной для здоровья. В большинстве деревень запасы воды недостаточны, доступ к водным источникам затруднен, колодцы загрязне-

¹ «Мир науки», 1973, № 4, с. 6.

² «The Indian Express», Bombay, 1972, 10 Apr., p. 6.

³ «Народы Азии и Африки», 1974, № 5, с. 31.

ны. Во многих городах хотя и имеются водопроводы, но гидравлическое давление в них настолько низко, что нередко вода оказывается загрязненной стоками до ее поступления в жилища или водоразборные колонки. В Восточной Африке большая часть сельского населения пользуется неочищенной водой из рек и ручьев, которые зачастую находятся на большом расстоянии от деревень. Несколько лучше, чем в Азии и Африке, положение в Латинской Америке, но и там лишь около трети домов пользуются водопроводом¹.

Поскольку дрова и хворост остаются в развивающихся странах основным топливом, рост населения, особенно сельского, ведет ко все более интенсивной вырубке лесов и уничтожению кустарников; на отопление идет даже трава и опавшие листья. При отсутствии подходящей растительности в качестве топлива используется навоз домашних животных, что оставляет земледелие без столь необходимых органических удобрений. Уничтожение естественной растительности происходит также в результате экстенсивного развития сельского хозяйства, чему в немалой степени способствует рост населения. Для расширения обрабатываемых земель раскорчевываются и выжигаются леса, распахиваются целина и естественные пастбища, возделываются горные склоны; домашний скот вытаптывает леса, уничтожает подлесок.

Все это, особенно в тропических и субтропических широтах, зачастую ведет к быстрому обеднению почвы, к губительной земельной эрозии, которая, по некоторым оценкам, вместе с другими подобными отрицательными причинами выводит ежегодно из-под сельскохозяйственного использования до 4—5 млн. га земли в Азии, Африке и Латинской Америке. Уничтожение растительности приводит также к катастрофическим наводнениям. Ярким примером последних лет может служить беспрецедентное в истории Пакистана наводнение, разразившееся летом 1973 г. и уничтожившее многие селения и значительную часть посевов. Оно было предопределено интенсивной вырубкой лесов за последние 15 лет в горах и предгорьях Гималаев, где берут начало главные речные системы Индостана. Другим примером может служить нарушение экологического баланса в присахарских областях Африки, где в течение последних 35 лет быстро увеличивалась

¹ См.: Материалы Всемирной конференции ООН по народонаселению (Бухарест, август, 1974 г.): E/Conf. 60/5, Russian, p. 58, 59.

численность населения, а также поголовья скота. В некоторых районах произошло их удвоение. В результате значительно ускорился процесс истощения пастбищ, обезлесения и общего обнищания земли, что, в свою очередь, послужило причиной начавшегося быстрого продвижения пустыни Сахары на юг по всей границе от Сенегала до севера Эфиопии. Как показали наблюдения в августе 1972 г., оно происходит в отдельных местах со скоростью до 50 км в год. Причем по мере продвижения пустыни население вместе со скотом также отходит к югу, что еще больше усиливает их «давление» на присахарские области¹.

Неблагоприятное воздействие быстрого роста населения на природную среду в ряде случаев усиливается по мере распространения новой техники и технологии. Примером может служить возникшая в развивающихся странах так называемая «зеленая революция» — жизненно необходимая для преодоления продовольственных трудностей интенсификация сельскохозяйственного производства путем перехода к поливному земледелию, внедрению высокоурожайных семян, широкому применению химических удобрений, пестицидов, фунгицидов и т. п. Не говоря уже о таком важном в экономическом и экологическом отношении вопросе, как необходимое для этого перехода развитие химической промышленности и энергетики, новая агротехника также влечет за собой отрицательные последствия. Истощаются источники водоснабжения; при неправильном поливе происходит засоление почв; сбрасываемая с полей вода, насыщенная химическими ингредиентами, отравляет реки, делая их непригодными для питьевых целей и рыболовства, в дельтах рек прекращается нерест и гибнут водоплавающие птицы.

В перспективе все такого рода экологические осложнения становятся особенно серьезными, если учесть, что за оставшиеся до конца века два с половиной десятилетия население развивающихся стран увеличится предположительно почти на 2 млрд. человек, причем доля городского населения возрастет до 40%, а численность — в три с лишним раза по сравнению с 1970 г. Уже в 1985 г., по прогнозам ООН, в развивающихся странах будет насчитываться 147 городов-миллионеров. Соответственно возрастут потребности в продовольствии, водоснабжении,

¹ Brown L. R. In the Human Interest. N. Y., 1974, p. 72, 73.

промышленных товарах, сельскохозяйственном и минеральном сырье, энергетических мощностях, для удовлетворения которых потребуется значительно ускорить темпы экономического развития.

В свете этих перспектив становится особенно очевидной вся научная несостоятельность, практическая бесплодность и политическая реакционность распространяемых империалистической пропагандой утверждений о том, что только немедленное принятие глобальной политики полного прекращения увеличения численности мирового населения к концу века путем снижения рождаемости до уровня смертности (установление «нулевого роста населения»), а также ограничение дальнейшего развития техники и стабилизация потребления (установление «нулевого экономического роста») могут спасти мир от опасности голода, истощения природных ресурсов и катастрофического заражения окружающей среды.

В действительности существующая в афро-азиатских и латиноамериканских странах высокая рождаемость есть результат сохраняющейся экономической и культурной отсталости, которая консервирует традиции многодетности, и без преодоления этой отсталости никакая демографическая политика не в состоянии изменить демографическое поведение населения. Достаточно сослаться на опыт Индии, где, несмотря на два с лишним десятилетия интенсивного осуществления политики ограничения рождаемости, ее общий коэффициент (среднее количество рождений в год на 1000 жителей), по официальным оценкам, понизился с 42 в 1961 г. всего лишь до 38 в 1971 г., а среднегодовые темпы роста населения остаются на уровне 2,2%. Всякие рассуждения о возможности перейти к простому воспроизводству населения в развивающихся странах за ближайшие 25 лет являются, по существу, неомальтузианскими иллюзиями, не имеющими реальной основы.

Но даже если условно допустить вероятность столь значительного сокращения рождаемости до уровня простого воспроизводства (т. е. до нетто-коэффициента 1,0, или, попросту говоря, до повсеместного перехода в среднем к двухдетным семьям), то и в этом случае население развивающихся стран будет расти еще в течение длительного времени за счет сложившейся к настоящему времени молодой возрастной структуры. По имеющимся расчетам, в 2000 г. оно достигнет 4,5 млрд. человек и лишь к

концу XXI в. наступит состояние стационарности, т. е. установится нулевой прирост. К тому времени численность жителей в нынешних границах развивающихся стран возрастет до 6,8 млрд. человек. Все же население мира, по этому варианту прогноза, увеличится до 5,9 млрд. в 2000 г. и до 8,4 млрд. в 2100 г.¹ Иными словами, даже самая успешная демографическая политика не может в оставшееся до конца века время изменить характер рассматриваемой проблемы².

Лишены научного смысла также и рассуждения империалистических идеологов относительно необходимости достижения «нулевого экономического роста» во имя защиты окружающей среды. Технический прогресс является объективной закономерностью, составляет главную силу общественного развития и поэтому его невозможно остановить, как нельзя прекратить поступательное движение исторического процесса. Более того, именно принципиальный подход к решению проблемы взаимоотношения населения и природной среды заключается не в торможении экономического роста, а, напротив, в его дальнейшем ускорении.

Только в процессе экономического роста, по мере модернизации отсталых аграрных общественных структур под воздействием индустриализации и культурной революции возникает и развивается историческая тенденция снижения рождаемости, которую при необходимости можно ускорить с помощью основанной на социально-экономических преобразованиях демографической политики. Только в процессе экономического роста повышается уровень научных знаний, позволяя все глубже постигать законы природы, отчетливее представлять не только непосредственные, но и все более отдаленные последствия для нее от человеческой деятельности, устранять отрицательное влияние техники на природу. Только в процессе экономического роста складываются условия для перехода

¹ Frejka T. The Future of Population Growth. N. Y., 1973, p. 220, 240.

² Конечно, было бы неверно на этом основании отрицать всякую целесообразность демографической политики. Речь идет о бесплодности попыток придать ей самодовлеющее значение в решении проблем народонаселения, как это делают современные неомальтузианцы. Но демографическая политика, основанная на социально-экономических преобразованиях и рационально сочетающаяся с практическими действиями в области культуры, образования, здравоохранения и социального обеспечения, способна, разумеется, принести немалую пользу, особенно в конкретных условиях отдельных стран.

от стихийного воздействия человека на природу к сознательному управлению ею.

Таким образом, задача предотвращения опасности экологического кризиса требует от развивающихся стран дальнейших энергичных усилий в последовательном проведении социально-экономических и культурных преобразований, с тем чтобы на основе организации планомерного производства и планомерного распределения обеспечить рациональное использование естественных ресурсов и применение передовой, рациональной технологии в интересах природы и общества.

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В числе острых социально-экономических проблем, которые приходится решать развивающимся странам, все большее значение приобретает проблема занятости. Господствовавший в них колониализм имел катастрофические последствия для местных традиционных производств, лишал работы целые поколения коренного населения, обрекал на гибель многие тысячи людей, потерявших работу и средства к существованию.

Неиспользование значительной части трудовых ресурсов в современных странах Азии, Африки и Латинской Америки означает для них замедленные темпы экономического роста, а для безработных — нищету и невозможность нормального человеческого существования. Изучение проблемы занятости в развивающихся странах затруднено отсутствием научно разработанной статистики в этой области, тем более что основную массу безработных составляет скрытая армия резервной рабочей силы, сосредоточенная в деревнях и не отраженная статистикой. Кроме того, существуют различные виды неполной занятости, когда работник трудится лишь в течение короткого времени. Некоторые исследователи отмечают также существование мнимой занятости, при которой создается лишь видимость работы, а на самом деле она не только не обеспечивает средств существования, но и не приносит никакой общественной пользы.

Хотя определение занятости, которое можно было бы считать общепринятым, еще не выработано, сама проблема очевидна: в странах «третьего мира» постоянно не используется до трети наличной рабочей силы. В них усиливается поток людей, устремляющихся из деревень, где они не могут найти себе применения, в города, где большая часть их так и остается нетрудоустроенными. Все большие трудности с устройством на работу испытывают новые поколения людей, только вступающих в трудоспособный возраст.

Темпы ежегодного увеличения наличной рабочей силы в развивающихся странах в три раза превышают соответствующий показатель промышленных капиталистических стран. Значительная часть прироста рабочей силы оказывается постоянно неиспользуемой. В Латинской Америке в 1950 г. насчитывалось 2,9 млн. безработных, к 1965 г. эта цифра утроилась и продолжала значительно возрастать в последующие годы. Особенно острой проблема занятости является в Южной и Юго-Восточной Азии, где сосредоточена большая часть трудовых ресурсов развивающихся стран. Возникла «беспрецедентная ситуация в истории, — констатирует американский экономист Л. Браун, — миллионам молодых людей нет больше места в деревне, их не ждет работа в городе, нет больше Нового Света, доступного иммиграции... В экономическом смысле они являются лишними людьми»¹.

Появление миллионов армий «лишних людей» в развивающихся странах буржуазные экономисты относят лишь к весьма краткому последнему периоду и пытаются объяснить исключительно демографическими факторами. Так, Л. Браун пишет: «В течение двух последних десятилетий, по мере того, как население в этих странах продолжало быстро расти в условиях лишь незначительного увеличения земельных угодий, доступных обработке, размеры обрабатываемой земли на душу населения постоянно сокращались. На территориях освободившихся стран это сокращение достигло той точки, за которой размер обрабатываемой земли на душу населения часто оказывается недостаточным для того, чтобы позволить обеспечить существование одного человека при нынешней технологии. Земельные участки, которые делились неоднократно из поколения в поколение, уже не могут больше делиться»².

Стремление возложить ответственность за трудности, переживаемые развивающимися странами, в том числе за обостряющуюся проблему занятости, на демографические процессы, типична для современной буржуазной политэкономии. Специалист по вопросам народонаселения и развития американского Совета заморского развития С. Саммартано утверждает: «Продолжающиеся высокие нормы рождаемости вместе с драматическим снижением норм смертности имели своим результатом особенно

¹ Brown L. The Interdependence of Nations. Wash., 1972, p. 53.

² Ibid., p. 53.

быстрый рост населения в большинстве из наименее развитых стран мира. Этот взрыв народонаселения выступает как главная причина растущих уровней безработицы...»¹ Такие утверждения преследуют определенные цели. Во-первых, они полностью разрывают связь между нынешними трудными проблемами освободившихся народов и колониальным прошлым, стремятся снять какую-бы то ни было ответственность за тяжелое положение этих народов с империализма, сети которого продолжают опутывать освободившиеся страны. Во-вторых, тем самым делается попытка отвлечь внимание молодых государств от коренных социально-экономических преобразований и увлечь их в бесплодную область поисков эфемерных путей решения жгучих проблем, в том числе и решения проблемы занятости, исключительно политикой ограничения роста населения. В-третьих, создается ложное впечатление, что сама проблема занятости обостряется во всех развивающихся странах вне зависимости от выбора ими пути социально-экономического развития, ибо не социально-экономические факторы, а якобы только демографические закономерности обрекают массы людей на вынужденное бездействие.

Нельзя не учитывать, что эти «теории» оказывают влияние на общественное мнение некоторых стран и находят свое отражение в реальной политике, проводимой определенными кругами. Кроме того, демографические процессы; происходящие в развивающихся странах, находятся в диалектической связи с проблемой занятости, и без ясного представления о действительном характере этой связи затруднено как решение самой проблемы занятости, так и выработка оптимальной демографической политики, призванной учитывать все стороны противоречивой действительности этих стран, все их основные проблемы, включая и проблему занятости.

Беспрецедентная острота проблемы занятости в развивающихся странах совпала с небывало стремительным увеличением народонаселения в них. Но неверно считать, что последнее является главной причиной обострения проблемы занятости. Главная причина определяется совокупностью социально-экономических явлений, которые уходят своими корнями в колониальное прошлое; в еще

не изжитые эксплуататорские отношения между народами Азии, Африки и Латинской Америки, с одной стороны, и империалистическими государствами — с другой. Основным является экономическая отсталость бывших колоний — прямой результат их продолжительной империалистической эксплуатации.

Существует ли какой-нибудь абсолютный предел численности людей, которые могут эффективно работать на территории страны, обладающей конечными размерами площадей пригодной для обработки земли? Л. Браун, как мы видели, пытается объяснить причины безработицы нехваткой обрабатываемых угодий в расчете на душу населения. Марксистско-ленинская теория, опираясь на исторический опыт экономического развития многих государств, в том числе и таких, в которых большое население размещается на весьма ограниченной площади, отвергает подобный подход. Лишь в наиболее примитивных обществах, основанных на неразвитом сельском хозяйстве натурального характера, возможности приложения рабочей силы определяются размерами доступной для обработки земли. Чем глубже общественное разделение труда (а именно оно в конечном счете определяет уровень развития производительных сил), тем слабее становится связь между размерами земли и занятостью населения в общественном хозяйстве.

В некоторых развивающихся странах непосредственной причиной безработицы в деревнях служит ограниченность обрабатываемой земли. Это свидетельствует об отсталости как производительных сил, так и системы производственных отношений, обрекающей значительную часть населения на вынужденное бездействие. До сих пор в них сохраняются еще докапиталистические формы эксплуатации, существуют пережитки феодализма, процветает ростовщичество в деревне и городе, сохраняется низкопроизводительное натуральное хозяйство. Мелкий производитель, составляющий основу рабочей силы, не обладает в таких условиях возможностями расширения своего хозяйства, не может применить сколько-нибудь эффективно даже труд членов своей семьи.

Отсталость ограничивает и размеры общенационального дохода, особенно в расчете на душу населения. А это не позволяет расширять достаточно высокими темпами новые отрасли народного хозяйства (промышленность, современную сферу услуг и др.). К тому же растущий ка-

¹ *Sammartano S. Population and Development. — In: The United States and the Developing World. Agenda for Action. Wash., 1973, p. 109.*

питалистический уклад отнюдь не ставит задачу создания новых рабочих мест. Он предъявляет спрос на рабочую силу в полном соответствии с законом прибавочной стоимости, одновременно создавая современный пролетариат и вызывая к жизни новую для развивающихся стран форму беззанятости населения — безработицу промышленных рабочих. Только расширение государственного сектора в экономике и развитие некапиталистических общественных форм хозяйствования в деревне (сельских кооперативов) дают возможность обеспечить работой массы людей. Именно государство способно предпринять специальные действия и вложить крупные средства с целью решения проблемы занятости, и чем прогрессивнее политический курс государства, тем больше внимания оно уделяет решению этой проблемы. В тех странах, где государственная власть находится в руках трудового народа, строящего социализм, безработица перестала угрожать крестьянам и рабочим. В них государство постоянно поддерживает полную занятость трудоспособного населения, осуществляя одновременно научно-техническую модернизацию хозяйства. В странах, развивающихся по капиталистическому пути, государство также не может уклониться от выполнения тех или иных программ увеличения занятости. Но они носят ограниченный характер, эффективность их, как правило, невелика, проблема занятости постоянно обостряется.

Выводя на первое место в качестве главной причины обострения проблемы занятости в развивающихся странах социально-экономические факторы, ни в коей мере не следует отрицать тесной связи их с демографическими особенностями этих стран. Быстрый рост народонаселения, «демографический взрыв» выступает как фактор, осложняющий проблему занятости, затрудняющий ее быстрое и эффективное решение.

Демографические факторы оказывают влияние на степень занятости не прямо, а через посредство социально-экономических условий жизни общества, и само направление этого влияния в значительной степени зависит от характера этих условий. К демографическим аспектам занятости относится прежде всего численность населения страны. В этом отношении развивающиеся страны представляют собой чрезвычайно пеструю картину. Наряду с такими крупнейшими державами, как Индия, население которой превысило 600 млн. человек, среди развивающихся

стран много небольших государств с населением менее миллиона человек. В странах с большой численностью населения общее число людей, требующих трудоустройства, естественно, значительно, чем в малых странах. Но и возможности экономического развития, а также занятости населения здесь, как правило, более благоприятны. При многочисленном населении, проживающем в одной местности, больше возможностей для углубления общественного разделения труда, для дробления одной специальности на бесконечное число более узких профессий, для одновременного повышения производительности труда, расширения внутреннего рынка и создания все новых и новых рабочих мест.

На первый взгляд может показаться, что повышение производительности труда препятствует росту занятости и даже увеличивает безработицу. Среди буржуазных экономистов получили распространение «теории», согласно которым для решения проблемы занятости развивающимся странам следует воздерживаться от применения высокопроизводительной капиталоемкой техники, использовать так называемую «промежуточную» технологию, больше полагаться на экстенсивные пути развития, компенсируя низкую производительность труда большими объемами труда. Но в действительности ориентация на экстенсивное развитие в странах с относительным избытком населения не может решить проблему занятости, она способна лишь создать на короткое время иллюзию подобного решения. Консервируя техническую и экономическую отсталость, такая ориентация лишь воспроизводит проблему занятости во все увеличивающихся масштабах.

Базой для решения проблемы занятости может быть лишь резкое увеличение производимого в стране национального дохода, а также распределение и использование его в интересах прогрессивного независимого развития. Однако такой путь решения проблемы занятости, даже если при этом наиболее эффективно используются ресурсы всей страны, требует определенного времени. Обеспечение же безработных трудом не терпит отсрочки. В связи с этим необходимо направить стратегический курс на ускоренное самостоятельное развитие и ликвидацию отсталости на основе применения новейшей науки и техники с широким использованием традиционных технических средств. Там, где прогрессивные силы добиваются возможности оказывать влияние на общественную жизнь,

особенно в районах с высокой плотностью населения, именно такие мероприятия претворяются в жизнь еще до того, как становится возможным осуществить коренные социально-экономические преобразования и перестроить все народное хозяйство страны на новый путь развития, основанный на всесторонней модернизации.

Показателен в этом отношении опыт администрации штата Керала в Индии. В апреле 1975 г. там была обнаружена новая программа решения проблемы занятости, которая предусматривает, в частности, создание по крайней мере одного промышленного имения в каждом панчаюте (сельском округе). Всего должно быть создано около 1000 промышленных имений, в результате чего вся сельская местность в штате будет покрыта сетью мелкой деревенской промышленности. В промышленном имении предусматривается сосредоточение по крайней мере десяти небольших предприятий, в каждом из которых получают работу не менее десяти человек. Общее число рабочих мест, которые появятся в штате Керала в ходе выполнения этой программы, превысит 100 тыс. Новая деревенская промышленность должна дать толчок расширению занятости в других отраслях, экономически связанных с нею, — транспорте, торговле, сфере услуг, банковском деле, администрации и особенно в системе образования и обучения, так как программа предусматривает организацию специальной сети обучения подрастающего поколения¹. Большая численность населения штата (22 млн. человек) создает реальную основу выполнения этой программы. Такое население представляет собой достаточно обширный потенциальный рынок, способный поддержать деятельность специализированных мелких промышленных предприятий в отдельных деревнях, выпускающих различную продукцию (синтетические моющие средства, резиновые изделия, включая велосипедные шины, сельскохозяйственный инвентарь, электротовары, в том числе неоновые лампы и изоляторы, санитарно-техническое оборудование, красители, изделия из бумаги и пластмассы).

Сложнее обстоит дело в развивающихся странах с небольшим населением или населением, рассредоточенным на большой площади, особенно если оно продолжает вести кочевой образ жизни. Использование преимуществ разделения труда и специализации в таких странах стано-

¹ «New Age», 13 Apr. 1975.

вится возможным только в результате их участия в международном разделении труда, особенно в форме региональной экономической интеграции. Несмотря на ее противоречивость, эта интеграция содействовала реальному увеличению занятости, например, в ряде малых стран Центральной Африки, хотя при этом сохранился эксплуататорский характер такой занятости.

Влияние высоких темпов роста населения на его занятость неодинаково в странах, развивающихся по разным путям. Общая закономерность состоит в том, что чем выше темпы роста населения, тем меньше в нем доля людей в трудоспособном возрасте, следовательно, тем выше, при прочих равных условиях, трудовая нагрузка, приходящаяся на каждого человека в трудоспособном возрасте. Эта закономерность реализуется по-разному в зависимости от характера общественных отношений.

Во многих развивающихся странах, несмотря на значительные размеры безработицы среди взрослого населения, широко распространен детский труд. Само понятие трудоспособного возраста неодинаково в разных обществах. В ряде стран до половины детей не посещают школ. Введение всеобщего обязательного обучения и повышение уровня образования освобождает от участия в различных работах целые поколения детей и одновременно вызывает необходимость замены детского труда трудом взрослых, снижая тем самым безработицу среди взрослого населения. Расширение системы народного образования может послужить важным фактором ослабления проблемы занятости. Во-первых, получающие образование молодые люди лучше подготовлены к работе с использованием современной техники. Поэтому для них облегчается получение работы при достижении трудоспособного возраста. Смягчается парадоксальная ситуация, при которой массовая безработица в развивающихся странах сочетается с острой нехваткой рабочей силы, так как по уровню грамотности и технической подготовки безработные не в состоянии трудиться во многих отраслях современной экономики, развитие которых тормозится из-за нехватки квалифицированной рабочей силы. Во-вторых, быстрое расширение школьной сети вызывает повышенный спрос на рабочую силу и специалистов самых различных категорий — не только учителей и обслуживающий персонал школ, но и строителей для сооружения школьных зданий, полиграфистов для выпуска учебников,

тетрадей и других печатных изданий, рабочих бумажной промышленности, транспортников и многих других.

Социально-экономические системы различаются, в частности, отношением общества к молодому поколению, начиная с самого раннего возраста. До сих пор основная масса детей в развивающихся странах, особенно в сельской местности, предоставлена сама себе. Рост числа детей не оказывает влияния там на занятость среди взрослого населения. Иное дело в странах, где воспитание детей считается важнейшей общественной функцией. В них создается сеть детских учреждений — ясли, детские сады, детские медицинские и другие учреждения. Чем выше уровень рождаемости, тем больше рабочих мест создается в этих детских учреждениях, школах и в отраслях промышленности, обслуживающих детей, — от производства игрушек и специальной детской мебели, детской одежды и детского питания до сети детских библиотек, спортивных лагерей. В этих условиях сами высокие темпы роста населения означают появление новых рабочих мест.

Проводимая рядом развивающихся стран демографическая политика, в частности «планирование семьи», не может уменьшить приток новой рабочей силы по крайней мере в ближайшем будущем. По данным Международной организации труда в настоящее время в развивающихся странах насчитывается примерно 300 млн. полностью и частично безработных. В течение следующих 25 лет (к 2000 г.) общая численность населения в них увеличится в 2 раза, и около 1 млрд. человек добавится к общей численности рабочей силы. Следовательно, в течение ближайших 25 лет для решения проблемы занятости необходимо иметь не менее 1 млрд. 300 млн. новых рабочих мест, а общее число работающих должно увеличиться с 425 млн. человек в 1975 г. до 1 млрд. 400 млн. человек в 2000 г.¹ В период до 2000 г. основу рабочей силы будут составлять люди, уже родившиеся до настоящего времени. Следовательно, любые демографические сдвиги, которые могут происходить даже в ближайшем будущем, не изменят ситуации с занятостью, если только не будут осуществлены глубокие прогрессивные социально-экономические преобразования, в результате которых возможно увеличение занятости намного более высокими темпами, чем увеличивается численность населения в трудоспособном возрасте. Тогда сам рост населения за счет высо-

¹ Employment, Growth and Basic Needs. ILO, Geneva, 1975, p. 37.

кой рождаемости будет содействовать увеличению занятости.

В тех развивающихся странах, которые пошли по капиталистическому пути, капитализм сочетается с разнообразными докапиталистическими формами, и это усугубляет проблему занятости. Докапиталистические уклады, для которых характерна особенно высокая рождаемость (и благодаря использованию новейших достижений медицины детская смертность снизилась), служат источником рабочей силы, которая не может найти применения в этих укладах. Капиталистический же уклад в силу собственных законов порождает и специфические капиталистические формы безработицы. Так, относительное перенаселение, свойственное докапиталистическим укладам, переплетается с современными формами безработицы капиталистического общества.

Одним из острых социальных противоречий развивающихся стран становится противоречие между интересами общества, которые требуют максимального и наиболее эффективного использования всех трудовых ресурсов, и интересами частнокапиталистического предпринимательства, погоня которого за наибольшей прибылью часто приводит к сокращению занятости даже в тех отраслях и на тех предприятиях, куда оно само привлекло рабочих. Однако реальные социально-экономические факторы воздействуют на национальный частный капитал, стимулируя его на данном этапе развития использовать трудоемкую технологию даже в тех производствах, где с точки зрения интересов общества целесообразнее применять капиталоемкую, особенно импортную, технику, вместо того чтобы увеличивать спрос на рабочую силу.

В последнее время частный капитал устремляется из развивающихся стран в развитые, даже если ему придется при этом нарушать национальное законодательство. Например, из Индии и ряда других стран капитал направляется в Англию, ФРГ, вместо того чтобы, будучи вложенным в национальную экономику, содействовать росту занятости. Несколько миллионов человек из различных развивающихся стран эмигрировали в промышленно развитые страны капитализма. Но отток рабочей силы существенно не изменил положения на рынке труда развивающихся стран: как только капиталистическая экономика пошатнулась под ударами серьезных кризисных явлений, массы рабочих были вынуждены вернуться

на родину, где сразу же произошло обострение проблемы занятости.

Выше уже отмечалось, что только государство может поставить задачу решения проблемы занятости в общенациональном масштабе. Но возможности решения этой задачи определяются характером государства, его воздействием на экономику и теми ресурсами, которыми оно располагает. При этом, несмотря на высокие темпы роста населения и использование современной техники, безработица может быть ликвидирована в течение короткого времени и даже может возникнуть нехватка рабочей силы. Например, для выполнения программы экономического развития Ирака понадобилось прибегнуть к помощи рабочей силы, переброшенной в 1975 г. из Египта. Дополнительные ресурсы, использование которых требует новых рабочих рук, создаются в результате крупных промышленных строек, развернутых правительствами некоторых развивающихся стран. Так, сооружение Асуанской плотины в Египте, осуществленное при содействии СССР, дало возможность увеличить посевные площади в этой стране на 1,3 млн. феданнов земли, для обработки которой требуется труд сотен тысяч крестьян¹. Энергия Асуанской электростанции позволила создать новые отрасли промышленности и тем самым дать работу большому числу рабочих. Построен, в частности, также при содействии СССР, Хелуанский металлургический комбинат, на котором трудятся 20 тыс. человек. По оценке египетских специалистов, каждый работник комбината дает возможность трудиться еще 16—17 рабочим в других связанных с комбинатом отраслях. Общее количество занятых в связи с вводом в строй Хелуанского комбината превысило 300 тыс. человек². На строительстве Исфаганского металлургического завода в Иране, соорудившегося при содействии СССР, было занято около 30 тыс. человек. Рядом с ним вырос город Арияшахр, рассчитанный на 250 тыс. жителей³.

В новых промышленных центрах развивающихся стран складываются демографические тенденции, существенно отличающиеся от традиционных. В них рождаемость значительно ниже, а уровень образования и профессиональной подготовки подрастающего поколения на-

много выше. Увеличение занятости в результате создания современной промышленности на основе роста государственного сектора неизбежно ведет к положительным сдвигам в демографических тенденциях.

Важное значение для увеличения занятости имеет устранение искусственных преград между трудом и средствами производства, которые воздвигают устаревшие формы собственности, особенно пережитки феодализма. Радикальные земельные реформы и передача неиспользуемых земель, находящихся в собственности крупных землевладельцев, безземельным крестьянам, позволяют им приложить их труд не только для обеспечения своих семей необходимыми средствами существования, но и в интересах всего общественного развития. Острота проблемы занятости и неотложная необходимость ее решения служат дополнительными факторами, определяющими выбор освободившимися от колониальной зависимости народами некапиталистического пути развития.

¹ «Правда», 1974, 16 мая.

² Там же, 7 янв.

³ Там же, 1972, 1 янв.

Н. Королева

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Проблема занятости населения является одной из самых серьезных для латиноамериканских стран. По официальным данным полная и частичная безработица в настоящее время охватывает от 10 до 25% их трудоспособного населения¹. Но эти данные не исчерпывающие: они не учитывают десятки миллионов женщин, способных трудиться и нуждающихся в этом, и несколько миллионов крестьян, ведущих убогое хозяйство и, по существу, являющихся безработными.

В основе хронической безработицы и неполной занятости рабочей силы развивающихся стран Латинской Америки лежит деформация общественного воспроизводства. Наслоение капиталистической эксплуатации на полуфеодалские формы присвоения прибавочного труда и систематическое изъятие иностранными монополиями значительной части национального продукта обусловили нарушение механизма накопления, застойный характер диспропорции между средствами производства и рабочей силой. Это привело к образованию огромной армии безработных и не полностью занятых. Формирование таких контингентов предопределилось и относительным уменьшением под влиянием технического прогресса доли живого труда по сравнению с массой средств производства, приводимых им в движение, а также ускорением темпов роста населения Латинской Америки. Часть трудовых ресурсов в ходе общественного производства оказывается излишней по отношению к имеющимся средствам труда, но не из-за слишком быстрого роста трудовых ресурсов, а из-за того, что условия и средства труда увеличиваются медленно.

Численность, структура, движение трудовых ресурсов определяются особенностями воспроизводства населения

¹ «Коммунист», 1975, № 10, с. 88.

в целом. В латиноамериканских странах прирост населения один из наиболее высоких в мире — 2,9% в год. Это обусловило быстрое увеличение численности трудоспособного населения. Ежегодно на рынке труда на каждые 100 человек появляется 25 новых претендентов на работу. Сочетание относительно низких темпов экономического развития с высоким демографическим ростом привело к тому, что в Латинской Америке $\frac{2}{3}$ национального продукта идет только на поддержание потребления быстрорастущего населения на нынешнем, весьма низком уровне.

Возрастная структура населения Латинской Америки в последнее время претерпела определенные изменения. Наряду с возрастанием доли детских возрастов (до 15 лет) с 41,7% в 1960 г. до 42,7% в 1970 г. увеличилась доля населения пожилых возрастов (соответственно с 3,3 до 3,7%)¹. Таким образом, все более усиливается неблагоприятное соотношение нетрудоспособных (дети и пожилое население) и трудоспособных возрастов. Так, наиболее напряженная ситуация сложилась в Коста-Рике и Никарагуа, где численность детей до 15 лет превышает численность населения в трудоспособных возрастах. И даже несмотря на это, в условиях отсталой социально-экономической структуры латиноамериканских стран затрудняется обеспечение трудоспособного населения рабочими местами.

Изучение проблем использования рабочей силы в странах Латинской Америки осложняется в силу отсутствия надежной и регулярной статистики. Но по имеющимся данным можно сделать вывод о значительном недоиспользовании трудовых ресурсов. Сфера занятости в отдельных странах хотя и несколько растет, но одновременно сопровождается ростом неполной занятости, неэффективным использованием наличных трудовых ресурсов, низким уровнем производительности труда, а также минимальными доходами. Несмотря на некоторый рост занятости, безработица остается высокой. Например, в Бразилии в 1970 г. ее уровень равнялся 3,5%. Это означает, что в стране насчитывалось более миллиона безработных. Взаимосвязь между безработицей и нищетой особенно очевидна, если учитывать длительность безработицы. Так, в 1970 г. $\frac{1}{4}$ безработных Бразилии не имели занятий месяцами. Подобная ситуация характерна и для Мексики,

¹ «Economica y desarrollo», 1975, № 27, p. 137.

Панама, Венесуэлы и ряда других стран. Безработными в основном являются мужчины — главы семей. Полная безработица особенно характерна для городских отраслей экономики.

Среднегодовой темп прироста трудоспособного населения в 1960—1970 гг. *, %

Страна	Население в трудоспособных возрастах (15—64 лет)	Экономически активное население **	Занятое население **
Аргентина	1,5	2,2	1,4
Боливия	2,2	2,6	2,2
Бразилия	2,9	2,7	...
Эквадор	3,1	3,1	2,2
Венесуэла	3,3	2,7***	3,4***
Коста-Рика	3,8	3,0	4,1
Панама	3,0	3,8	3,7
Мексика	3,3	3,4	3,2

* CEPAL. Sobre la base de cifras oficiales y fuentes nacionales.

** Экономически активное население включает всю рабочую силу, как занятую, так и безработных, ищущих работу в определенный период. Занятое население — работающие полный рабочий день или неполный, но не менее 15 ч в неделю.

*** 1963—1970 гг.

Изменения в структуре экономики стран Латинской Америки под влиянием научно-технического прогресса обусловили изменения в структуре трудоспособного населения, а также и безработных. Капиталистическое развитие их экономики ведет к расширению «относительного перенаселения» в формах классической безработицы. К тому же это развитие находится в прямой зависимости от иностранного капитала, и уровень безработицы, таким образом, обуславливается цикличностью общественного воспроизводства не только латиноамериканских стран, но и стран, экспортирующих капитал. Последнее в значительной мере предопределяет недогрузку производственных мощностей. Подсчеты Международной организации труда показывают, что сокращение недогрузки может значительно расширить масштабы занятости. Так, в Аргентине доведение загрузки производственных мощностей до 90% позволило бы увеличить занятость в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности на 40—70%¹.

¹ «The World Employment Programme». Geneva, 1971, p. 3, 38.

Сохранение за ремесленным и кустарным производством значительных позиций в промышленном секторе обуславливает широкие масштабы «относительного перенаселения», исследованные еще К. Марксом в «Капитале», где оно определено как застойное перенаселение, так как в этих видах производства занято большое количество работников ручного труда, что является следствием относительно низкого спроса индустрии на рабочие руки.

В сельском хозяйстве положение в области занятости также крайне неблагоприятно в силу наличия системы латифундизма. В среднем по континенту 30—60% активного сельскохозяйственного населения страдает от скрытой безработицы и неполной занятости. К началу 1970 г. потери рабочего времени были эквивалентны трудовым затратам 9—12 млн. крестьян на протяжении всего сельскохозяйственного года.

Социально-экономическая структура сельского хозяйства большинства стран ограничивает расширение сферы занятости не только в деревне, но и в городе, и тем самым создает условия для воспроизводства самого аграрного перенаселения. Несмотря на абсолютное и относительное уменьшение сельского населения, продолжается процесс дальнейшего обнищания большей части крестьянства, увеличение полной и частичной безработицы. В настоящее время в странах Латинской Америки от 50 до 75% хозяйств имеют площадь около 2 га. Средний годовой доход на душу населения составляет всего 50 долл., что гораздо ниже прожиточного минимума.

Рост аграрного перенаселения, развитие капитализма в сельском хозяйстве, сопровождающееся аграрными кризисами, разорением крестьянства, а также безработица пролетариата и разорение мелких товаропроизводителей усиливают внутреннюю миграцию.

Относительно высокому в масштабах региона (особенно отдельных его стран) уровню урбанизации не соответствуют ее функциональная база, характер занятости и производительность труда городского населения. Мигранты из деревень чаще всего находят работу только в торговле, сфере услуг и строительстве. Но, например, строительство не может расцениваться как стабильный сектор увеличения занятости. Неквалифицированная рабочая сила, какой, как правило, являются мигранты, находящаяся в избытке в городах, не может поглощаться

этим сектором в период экономических спадов или в условиях узости внутреннего рынка.

При этом надо учитывать, что разница между приростом городского населения и количеством занятых в сельскохозяйственного производства очень значительна и увеличивается не только абсолютно, но и относительно. Если в 1950—1960 гг. она составила 67% прироста городского населения, то в 1960—1970 гг. — 72,8%¹. Городское население, таким образом, растет более быстрыми темпами, чем занятость в городах.

Сфера услуг увеличивается непропорционально развитию отраслей материального производства. Особенно значительно она выросла в 1960—1970 гг. в Мексике (на 7,2%)². Роль этого сектора в поглощении рабочей силы была самой значительной. Но, по мнению ряда экономистов и социологов, объем занятости в нем явно гипертрофирован. Быстрый рост занятости в сфере услуг вызывается не потребностями экономического развития, а давлением свободной неквалифицированной рабочей силы. Как правило, работа в сфере услуг не требует особой подготовки, заработка минимальные, а занятость часто неполная. Все это еще раз подтверждает, что трудовые ресурсы в рассматриваемых странах используются нерационально.

Следует заметить, что отставание темпов роста занятости в «городских отраслях» от темпов урбанизации не всегда приводит к соответствующему росту безработицы. Это связано с появлением в последнее время в городах так называемых маргинальных кварталов, которые сохраняют сельский уклад жизни, прежний характер социальных связей и представлений. Данные показывают, что в маргинальных кварталах уровень безработицы выше, чем в городах в целом. Высокий уровень безработицы, открытой и замаскированной, обуславливает низкий уровень доходов населения этих кварталов, который не может обеспечить удовлетворение даже минимальных жизненных потребностей и обрекает на нищету. Появление и рост маргинальных слоев населения создает дополнительную напряженность на рынке труда.

¹ Подсчитано по: «Boletín Económico de América Latina», 1963, № 1, p. 59; «The Milbank Memorial Fund Quarterly», 1965, № 4, part 2, p. 198; «Boletín Económico de América Latina», 1965, № 2, p. 164, 185.

² «Boletín Económico de América Latina», 1973, vol. 18, № 1 y 2, p. 47.

Качественная сторона использования трудовых ресурсов в латиноамериканских странах состоит в том, что большая часть работоспособного населения либо не имеет соответствующей профессиональной подготовки, либо неграмотна. Парадоксально, что при дефиците квалифицированных работников они часто используются не по специальности. Несмотря на перенасыщенность рынка труда, ощущается нехватка рабочей силы нужной квалификации.

Существующая оплата труда инженерно-технического и научного персонала весьма низка. Это влечет за собой эмиграцию в больших масштабах национальных кадров высокой квалификации. Ежегодно тысячи специалистов эмигрируют в промышленно развитые страны, прежде всего в США. Только за первую половину 60-х годов из этих стран туда выехало 11,5 тыс. специалистов с высшим образованием и свыше 17 тыс. техников и высококвалифицированных рабочих¹. Это означает не только большой моральный урон и потерю нужных специалистов, но и наносит огромный материальный ущерб экономике. Подготовка специалистов с высшим образованием в Латинской Америке обходится приблизительно в 24 тыс. долл., а со средним техническим образованием — в 12,5 тыс. долл. Учитывая это, только в 1961—1965 гг. страны Латинской Америки потеряли на «утечке умов» 100 млн. долл.

Тенденции в экономическом развитии и демографических процессах, наблюдаемые в странах Латинской Америки, свидетельствуют о том, что в ближайшее время вряд ли удастся улучшить положение в области подготовки и использования быстрорастущих трудовых ресурсов региона. Предполагается, что к 1980 г. трудовые ресурсы региона возрастут на 35—38% по сравнению с 1970 гг. Это означает, что только для сохранения современного уровня занятости число рабочих мест должно увеличиться на 20 млн. Для этого нужны очень крупные капиталовложения. Так, по данным журнала «Планификасьон» на создание одного рабочего места в Эквадоре при неизменной производительности труда в 1964 г. было необходимо затратить около 780 долл. Таким образом, для создания 20 млн. рабочих мест в течение 10 лет необходимо 16 млрд. долл., условно считая, что одно рабочее место «стоит» в других странах столько же, сколько

¹ «Правда», 1974, 8 дек.

в Эквадоре¹. В то же время огромные материальные средства, созданные латиноамериканскими трудящимися, вывозятся за границу в качестве прибылей на вложенный иностранный капитал: если в 1950 г. иностранные компании получили 700 млн. долл. прибыли, то в 1974 г. — 9200 млн.² Большая часть этой суммы вывозится за пределы региона. Кроме того, рамки накопления сужаются вследствие сохранения феодальной собственности на землю.

Безусловно, демографическая ситуация в Латинской Америке отрицательно влияет на положение в области занятости. Однако освободиться от ее отрицательного влияния, коренным образом решить проблему занятости во всех странах можно, лишь интенсифицируя экономическое развитие, проводя радикальные социальные преобразования. В результате проведения таких мероприятий, как аграрная реформа, национализация собственности иностранного капитала, страны Латинской Америки получили бы значительные средства для расширения масштабов накопления и появились бы возможности для значительного сокращения относительного перенаселения во всех его формах. Подтверждение правильности подобных выводов дает опыт исторического развития Кубы, которая в относительно короткий промежуток времени сумела решить сложные социально-экономические проблемы, в частности проблему занятости. «Социализм, — как подчеркнул в своем выступлении на XXV съезде КПСС Член Секретариата Центрального Комитета Доминиканской Коммунистической партии Хосе Куэльо, — первым и героическим примером которого в Латинской Америке является Куба, все больше привлекает народные массы континента, стремления которых совпадают с чаяниями народов всего мира. В лице Советского Союза социализм имеет прочный оплот мира во всем мире, фактор, открывающий широкие перспективы для борьбы народов»³. Решение насущных проблем социально-экономического развития всех развивающихся стран, в том числе и латиноамериканских, лежит прежде всего на пути социалистических преобразований.

¹ *Moncada Y. Crecimiento de población y eleccion de tecnologia. — «Planificación», 1964, № 3, p. 59.*

² «Коммунист», 1975, № 10, с. 89.

³ «Правда», 1976, 4 марта.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ (Анализ опыта реформы образования в Бурунди)

Одним из важнейших критериев социально-экономического прогресса развивающихся стран и действительности завоеванной ими независимости является обеспеченность кадрами и уровень грамотности населения.

В 1961 г. на конференции африканских стран по развитию образования в Аддис-Абебе была предпринята первая в истории Африки попытка долгосрочного планирования образования в масштабах всего континента. Конференция констатировала, что доля охвата образованием по Африке соответствующих возрастных групп составляла в 1960 г. в среднем для начального образования 40%, среднего — 3% и высшего — 0,2%¹. Таким был для африканских стран исходный рубеж, оставшийся в наследие от колониального прошлого и обозначивший глубину их отставания от развитых стран и масштабы предстоящего культурного строительства. В соответствии с рекомендациями, принятыми конференцией, предполагалось, что к 1970 г. приведенные выше показатели возрастут по начальному образованию в 2 раза, среднему — в 5 и по высшему — в 2 раза. В течение ряда лет национальная образовательная политика многих африканских государств строилась в соответствии с рекомендациями конференции в Аддис-Абебе, а обсуждению выполнения рекомендаций конференции было посвящено несколько региональных встреч министров образования. Основные усилия в этот период направлялись на увеличение количества учащихся по всем ступеням обучения и на организацию и строительство новых учебных заведений, что потребовало выделения на нужды образования значительных дополнительных средств. Несмотря на это, основные количественные показатели, намеченные на 1970—1971 гг. конференцией в Аддис-Абебе, оказались невыполненными.

¹ *Politiques scientifiques nationales en Afriques, № 31. P., UNESCO, 1974, p. 74.*

В начальном образовании, где достигнутые результаты были самыми низкими по сравнению с рекомендациями, ежегодное абсолютное увеличение числа учащихся нередко оставалось на уровне демографического роста, а «вторичная» неграмотность (за счет огромного процента детей, покинувших по разным причинам школу в течение первых трех-пяти лет учебы) являлась постоянно действующей внутренней причиной, резко снижавшей эффективность начального образования африканских стран.

В среднем образовании, несмотря на повсеместно проводившиеся частичные реформы программ обучения и создание новых специальных учебных заведений, общегуманитарная («классическая») ориентация была господствующей и подготовка кандидатов в высшие учебные заведения оставалась практически единственной целью средней школы.

Хотя высшее образование оказалось тем разделом плана конференции в Аддис-Абебе, по которому основные количественные показатели были выполнены, оно явилось объектом наиболее острой критики со стороны организаторов и исследователей образования в Африке. Выяснилось, что, за редким исключением, высшая школа не только не справлялась с естественной ролью главного регулирующего звена всей системы образования в целом, но что сами цели и содержание обучения не соответствовали неотложным задачам развития африканских стран. Достигнутый рост числа студентов явился одним из основных объектов для критики, так как он был получен преимущественно за счет гуманитарных специальностей, на долю которых устойчиво приходилось не менее 60% общего числа африканских студентов, в то время как доли инженерных и сельскохозяйственных специальностей оставались в среднем на уровне 5%¹.

Если итоги развития образования в странах Тропической Африки к 1970—1971 гг. могут быть оценены как относительная неудача в реализации намеченных в начале 60-х годов планов, то главная ее причина заключалась в том, что действовавшая система образования в африканских странах не отвечала принципиально новым ее функциям, ее возросшей экономической роли и важным

социальным задачам. Повсеместное признание этого факта вызвало в африканских странах острые дискуссии. Стало очевидным, что, хотя увеличение расходов на образование и широкое привлечение иностранных специалистов и опыта являются необходимыми условиями, их реализация не ведет автоматически к решению основных задач культурной революции. Было признано также, что без коренной перестройки структур и содержания обучения, без придания им национального характера система образования не может стать действенным инструментом прогресса. При этом особая роль принадлежит научному планированию образования с учетом многочисленных внешних и внутренних факторов, обуславливающих функционирование и эффективность системы образования.

Одним из факторов, влияющих на состояние народного образования в развивающихся странах, является быстрое увеличение населения. Так, в Африке средний демографический прирост населения за 1960—1970 гг. со-

Распространение образования в некоторых странах Тропической Африки в 60-х — начале 70-х годов *, %

Страна	Уровень охвата начальным и средним образованием (1969—1970 гг.)	Среднегодовой рост числа учащихся начальных и средних школ (1960—1970 гг.)	Среднегодовой прирост населения (1963—1970 гг.)
Нигерия	20,9	4,3	2,5
Заир	64,0	7,42	4,2
Эфиопия	11,0	8,1	1,9
Судан	12,0	8,2	2,8
Танзания	24,0	6,2	2,6
Кения	41,8	...	3,3
Гана	59,2	0,2	2,4
Малагасийская Республика	44,0	8,4	2,3
Камерун	57,0	8,6	2,2
Мали	19,0	14,0	2,1
Бурунди	18,0	7,7	2,0
Сомали	7,0	8,1	2,2

* Составлено по: Politiques...

ставлял 2,5% в год, а в 1970—1980 гг. ожидается его повышение до 2,9%, что приведет к увеличению населения на континенте с 251 млн. человек в 1960 г. до 427 млн.

¹ Myrdall G. La nécessité de réformes radicales dans les pays en voie de développement. L'éducation. P., UNESCO, 1971; Najman D. L'éducation en Afrique. Que faire? P., 1972; Politiques scientifiques nationales en Afrique, № 31.

в 1980 г.¹ Подобное увеличение происходит преимущественно за счет возрастных групп от 5 до 25 лет, являющихся основными «потребителями» образования, что существенно осложняет возможность достижения быстрого прогресса в этой области.

Наиболее неблагоприятная ситуация складывается в странах Тропической Африки (см. таблицу). Несмотря на то что относительное годовое увеличение числа учащихся начальных и средних школ для большинства стран было выше демографического роста, абсолютное число лиц школьного возраста, не имеющих возможности посещать школу, продолжало возрастать из-за низкого исходного уровня охвата образованием. Так, например, для Нигерии сравнение роста числа учащихся (4,3% в год) с демографическим ростом (2,5% в год) означает, что при 20,9% охвата образованием абсолютное количество школьных мест в стране увеличивается в 5—6 раз медленнее, чем число потенциальных кандидатов в школы. Таким образом, общее число неграмотных возрастает.

Среди наиболее населенных (более 10 млн. человек) стран Тропической Африки сравнительно высокий уровень охвата начальным и средним образованием имеют только Заир и Кения, в то время как в Нигерии, Эфиопии, Судане и Танзании, составляющих около одной трети всего населения Африки, этот показатель значительно ниже. В группе стран с населением от 5 до 10 млн. человек ситуация является в среднем более удовлетворительной, причем Гана, Малагасийская Республика и Камерун являются едва ли не единственными странами Тропической Африки, достигшими уровня охвата образованием, близкого к рекомендованному конференцией в Аддис-Абебе. Более половины многочисленной группы стран с населением до 5 млн. человек имеют уровень охвата образованием ниже 25%. В ходе реализации планов социального развития эти страны сталкиваются с наибольшими трудностями в силу ограниченности ресурсов, отсутствия эффективных региональных связей и особой уязвимости по отношению к различным формам давления со стороны неокOLONИализма. Именно в этих странах необходимость коренной перестройки народного образования ощущается наиболее остро, как неперемное условие дальнейшего прогресса. При этом демографический фактор требует ре-

¹ Politiques..., p. 51.

шительных, неотложных действий и определяет жесткие сроки проведения реформ.

Вызванные к жизни насущными проблемами сегодняшнего дня реформы образования, предпринятые в начале 70-х годов рядом африканских стран, направлены на улучшение профессионально-образовательных характеристик демографической структуры населения. Несмотря на различия в конкретных методах и очередности проведения отдельных этапов, они содержат много общего в постановке задач и в основных направлениях их решения. Анализ этих общих закономерностей имеет существенное значение для понимания социально-политической ориентации и перспектив развития стран Тропической Африки.

Рассмотрим более подробно на примере республики Бурунди¹, где в 1972—1973 гг. была начата перестройка системы образования, предпосылки и основные направления этой реформы, наиболее характерные для многих африканских стран.

Система образования Бурунди к 1971—1972 гг. представляла собой структуры, унаследованные от колониального периода и мало изменившиеся за десять лет независимости. Общая концепция образования заключалась в его четко выраженном элитарном характере и в отсутствии профессионализации. Учебные программы и методы обучения были полностью ориентированы на бельгийские. Соотношение пирамид для возрастных групп, охваченных и не охваченных обучением (рис. 1), отражает образовательно-демографическую ситуацию в Бурунди, а эволюция контингентов учащихся начальных и полных средних школ дает представление об эффективности двух первых ступеней обучения. Так, из 47 630 учащихся, принятых в 1964 г. в начальную школу, только 13 861 (30%) дошли до шестого, заключительного класса, и лишь 2500 из них (около 5%) смогли в 1971 г. поступить в среднюю

¹ Республика Бурунди, расположенная в центре африканского континента, является небольшой страной (3,5 млн. населения) с сельскохозяйственной ориентацией экономики. Общая отсталость в результате длительного иностранного господства, отсутствие промышленности и сколько-нибудь значительных разработок полезных ископаемых, наряду с чрезвычайно высокой плотностью населения (130 жителей на 1 кв. км) и невыгодным географическим положением, определяют жизненный уровень в Бурунди как один из самых низких в мире: в 1970 г. средний душевой доход составил 59,7 амер. долл. (Politiques..., p. 12).

школу¹. Если учесть, что начальное образование, охватившее более 95% общего числа учащихся², не давало никаких практических навыков, то уже на основании приведенных цифр отсева учащихся можно сделать вывод о низкой рентабельности всей системы образования. Огромные материальные (более 20% национального бюджета) и людские ресурсы затрачивались фактически без всякой отдачи. Программы начальной школы носили формальный характер и были направлены прежде всего на механическое заучивание французского языка и счета в ущерб изучению национального языка и природоведения.

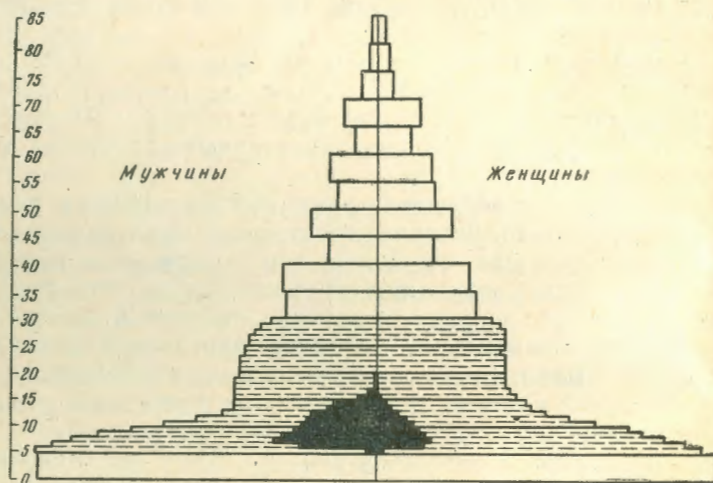

Рисунок. Возрастная пирамида населения Бурунди *
 ■ — население, охваченное образованием
 Источник: *Reforme du Systeme...*, annexe 1.

В среднем образовании отношение выпуска к начальному контингенту колебалось от 30 до 50% в зависимости от типа обучения, в частности для полного среднего образования, представленного в Бурунди общеобразовательными и педагогическими (нормальными) школами, которые посещало около $\frac{3}{5}$ общего количества учащихся,

¹ Atlas des structures et du fonctionnement du système de l'éducation au Burundi. Texte. Bujumbura, 1973, p. 1.12.

² Op. cit., p. 2.2.

это отношение равнялось в среднем 40%. Ежегодный суммарный выпуск этих школ, диплом которых дает право поступления в высшие учебные заведения, и к 1974 г. не превышал 400 человек¹. Что касается программ этих учебных заведений, то, несмотря на некоторые усилия по «африканизации» курсов истории и географии, ни один предмет не изучался на национальном языке (ему уделялось лишь 2 ч в неделю), а изучение историко-географических материалов, флоры и фауны Бурунди было поверхностным и ограниченным².

За исключением педагогических школ, вся профессиональная и специальная подготовка осуществлялась в учебных заведениях «тупикового» типа, не дающих возможности для дальнейшего продолжения учебы, причем на долю технических и сельскохозяйственных специализаций приходилось только 14% учащихся³. Поскольку общеобразовательные школы не давали никакой профессиональной подготовки, то многочисленные учащиеся, подвергшиеся отсеву в процессе учебы и оторванные от привычной среды, не могли найти себе удовлетворительного применения.

Высшее образование было представлено двумя учебными заведениями, каждое из которых функционировало совершенно обособленно, несмотря на известное дублирование и на наличие общих задач. Официальный Бужумбурский университет, основанный в 1960—1961 гг. бельгийцами и католическим орденом иезуитов, до 1972 г. осуществлял только двухлетний общетеоретический цикл обучения, успешное окончание которого удостоверялось дипломом «кандидата» и открывало путь для продолжения учебы в университетах Бельгии. За 1961—1971 гг. выпуск «кандидатов» составил в среднем 46,8% числа принятых на первый курс для гуманитарных дисциплин и 30,4% — для естественнонаучных, а потери при дальнейшем обучении за границей возрастали к получению диплома лиценциата еще примерно в 2 раза⁴. Что касается распределения по специальностям, то к 1971 г. было подготовлено: 106 кандидатов по юридическим наукам, столько же — по истории и романской философии, 22 —

¹ *Reforme du Systeme de l'Education au Burundi*. Bujumbura, Min. de l'Educ. Nat. et de la Culture, 1973, p. 1.14.

² Op. cit., p. 2.16.

³ Op. cit., p. 17.

⁴ *Reforme du Systeme...*, p. 1.13, 1.15.

по агрономии, 2 — по математике и ни одного — по физике¹.

Высшая Нормальная Школа, созданная в 1965 г. правительством Бурунди для подготовки преподавателей средних школ, выпустила к 1972 г. 92 преподавателя первого цикла средней школы и 21 инспектора начального образования, что составило в среднем 61% от общего числа начинающих учебу². Поиски решения конкретной задачи, поставленной перед этим учебным заведением, позволили постепенно выработать модель специалиста с учетом специфических условий будущей трудовой деятельности выпускников преимущественно в сельских школах, где роль учителя не ограничивается одними педагогическими обязанностями, а должна подниматься до миссии организатора и просветителя сельской общины. Для этого студенты должны были овладеть не только специальными знаниями, но и разнообразными практическими навыками по агротехнике, санитарии и т. д., а также ознакомиться с важнейшими социально-экономическими проблемами страны и отдельных ее районов. Это требовало, во-первых, оптимального сочетания общетеоретической, специальной и практической подготовки; во-вторых, наличия соответствующего преподавательского состава и материально-технической базы и, в-третьих, контингента студентов, отвечающего предъявляемым требованиям и достаточно однородного по своим исходным данным. Несмотря на поддержку правительства и интенсивную работу по совершенствованию учебных планов и программ, Высшей Нормальной Школе не удалось реализовать полностью все эти условия, главным образом потому, что средние школы продолжали готовить слишком мало выпускников и их специализация была в основном гуманитарной.

Так, обнаружилась прямая взаимозависимость между средней и высшей школами, и стало очевидно, что без резкого качественного и количественного изменения постановки образования в средней школе невозможно выполнение задач, стоящих перед высшей школой в целом. Без этого была невозможна и перестройка начальной школы, придание ей национального и современного характера, так как подготовка учителей в нормальных и средних педагогических школах не соответствовала этой

цели. Среднее образование оказалось именно тем звеном, недостатки и диспропорции которого в наибольшей мере препятствовали развитию остальных звеньев системы образования. Для преодоления сложившегося кризиса высшие учебные заведения должны были, следовательно, направить свои первоочередные усилия на подготовку квалифицированных преподавателей средних школ. Этот вывод стал одним из главных практических ориентиров реформы образования, которая была разработана в Высшей Нормальной Школе группой экспертов и преподавателей по поручению Министерства национального образования и культуры¹.

Основные положения реформы, утвержденной в марте 1973 г. правительством республики, были приняты в качестве составной части второго пятилетнего плана развития Бурунди (1973—1977 гг.) по разделу образования. Реформа представляет собой комплекс мероприятий, рассчитанных на 5 лет и призванных существенно увеличить рентабельность системы образования за счет рационального использования имеющихся ресурсов и применения на всех ступенях плановой ориентации учащихся вместо практиковавшегося ранее хаотического отсева². При этом каждый цикл обучения, бывший ранее лишь промежуточной ступенькой для более высоких циклов, приобретает практическую направленность и определенную завершенность. В основу реформы был положен принцип, рассматривающий систему образования как единое целое, роль и задача отдельных звеньев которого определяются во взаимосвязи и с учетом конкретных социально-экономических целей. По содержанию реформа состоит из трех следующих принципиальных положений: а) сельскохозяйственная ориентация (рюрализация) начального образования; б) расширение специализаций (диверсификация) и практическая ориентация среднего образования; в) профессиональная направленность высшего образования.

Начальному образованию придается практическая сельскохозяйственная ориентация, при этом кирунди становится основным языком обучения. Французский же,

¹ В разработке и проведении реформы образования в Бурунди принимали участие советские специалисты, в том числе автор данной статьи. — *Прим. ред.*

² Exposé des motifs du Projet de Decret—Loi portant reorganisation de l'enseignement supérieur. — «Liaison». Bujumbura, 1974, № 10, p. 27—30.

¹ Op. cit., annexes 13, 14.

² Op. cit., annexe 15.

владение которым было главным критерием успеваемости, вводится как иностранный только с пятого года учебы. Значительное время, отводившееся ранее на его изучение, будет использовано для расширения естественнонаучной и практической подготовки. Изучение окружающей среды станет не только ведущей дисциплиной начальной школы, но и основной задачей всего обучения, которое будет направлено на овладение основами естественнонаучных знаний, элементарными агротехническими навыками и на приобщение к труду. Это позволит большинству выпускников начальных школ, не имеющих возможности продолжить учебу, активно включиться в сельскохозяйственное производство. Рюрализация не является ранней профессионализацией, а рассматривается как предварительный этап введения политехнического обучения с учетом сельскохозяйственной специфики страны. Начальная школа должна будет распространить свое влияние на взрослое население и способствовать подлинному обновлению деревни. Особую роль при этом призваны сыграть школьные мастерские и пришкольные участки.

В среднем образовании предусматривается создание единого трехлетнего общеобразовательного цикла, по окончании которого учащиеся будут распределены по естественнонаучной, общей гуманитарной, технической, сельскохозяйственной, санитарно-медицинской специализациям. Учебные планы и программы среднего образования полностью преобразуются, чтобы, исходя из 35 ч обучения в неделю, сочетать общеобразовательные, специальные и практические элементы подготовки примерно в равной пропорции. Во всех циклах и специализациях повышается удельный вес изучения физики, химии и биологии. Начиная с общеобразовательного цикла, вводится новая дисциплина — технология, которая должна служить для учащихся своеобразным введением в современную технику. Поскольку первые три из перечисленных выше специализаций призваны обеспечить подготовку учителей начальных школ, их программы предусматривают изучение психологии и педагогики.

Подготовка по каждой специализации будет состоять из двух ступеней длительностью по 2 года. После окончания каждой ступени проводятся ориентационные испытания, по результатам которых учащиеся продолжают дальнейшую учебу или направляются на курсы профессио-

нальной стажировки с последующим вступлением в трудовую деятельность. Таким образом, окончание каждой ступени будет означать для учащихся получение определенной квалификации. Так, окончившие I ступень смогут получить после прохождения стажировки диплом учителя 1—4 классов начальной школы или квалифицированного рабочего в соответствующей отрасли, а окончание II ступени в сочетании со стажировкой дает диплом учителя 5—6 классов начальной школы или техника. Вводится новая единообразная система дипломов, устанавливающая эквивалентность между разными специализациями одного уровня и допускающая всех обладателей диплома об окончании II ступени к конкурсным экзаменам в высшие учебные заведения.

Преобразование среднего образования должно ликвидировать пестроту существующих средних учебных заведений и создать единую структуру специализации, которая будет гармонично выполнять две основные задачи: готовить кадры среднего звена и резерв для высшей школы. Такая организация позволит также осуществить более тесную связь с экономикой, запросы которой могут быть учтены при ориентации контингентов по специализациям.

Высшие учебные заведения объединяются в единый Университет Бурунди. Выбор специальностей и характер подготовки в нем будут определяться потребностями страны, ее возможностями и местными условиями. Полная подготовка на месте кадров высшей квалификации, наряду с возрождением и развитием национальной культуры, становится главной целью Университета.

Выпускникам средних школ (специализаций) предоставляется возможность поступления на условиях конкурса в один из пяти университетских институтов (педагогических наук, медицинский, агрономический, научно-технологический и институт администрации, права и экономики), которые займут место традиционных факультетов, получают четкую профессионализацию и будут тесно связаны с соответствующими социально-экономическими сферами. В каждом из них организуются два цикла обучения: трехлетний и пятилетний. Оба цикла предусматривают профессиональную завершенность и различаются уровнем квалификации. Так, выпускники короткого цикла института педагогических наук получают диплом преподавателей первых трех классов средней школы, а выпускни-

ки длинного цикла — университетские дипломы преподавателей старших классов средней школы.

Практическая реализация всех аспектов реформы требует значительных средств и длительного времени. Проведенные расчеты показали, что при рациональном планировании и учете всех имеющихся ресурсов основные организационные задачи реформы, заключающиеся в качественной перестройке системы образования, могут быть осуществлены за пять лет¹. Тем самым будут созданы предпосылки улучшения квалификационной структуры населения и сокращения безработицы, а также рационального использования лиц, получивших образование, для общего подъема национальной культуры и преодоления отсталости бурундийской деревни.

Было бы ошибкой, однако, предполагать, что эти ожидаемые положительные сдвиги явятся простым следствием изменения учебных структур и программ. Цели реформы могут оказаться недостижимыми, а ее влияние поверхностным, если реформа не будет сопровождаться и подкрепляться другими, более широкими преобразованиями социального характера. К сожалению, проект реформы, будучи «техническим» документом, разработанным на короткий пятилетний период, не содержит анализа ее социальных аспектов, вследствие чего в нем отсутствует прогноз решения принципиальной задачи — ликвидации массовой неграмотности населения, а также оставлен без внимания вопрос о степени доступности образования различным социальным и этническим группам. Как показывает опыт многих развивающихся стран, именно эти вопросы являются ключевыми при осуществлении культурной революции, а всякое преувеличение роли технико-экономического подхода к образованию может привести к серьезным просчетам в выборе очередности задач («приоритетов») и в планировании образования².

Для успешного осуществления реформы необходимо, чтобы были обеспечены предусмотренные финансовые средства как по линии государственных бюджетных ассигнований, так и по линии иностранной технической помощи. В начальном образовании, где запланировано строительство сотен новых школ, предусматривается час-

¹ Texte provisoire des prévisions chiffrées du second plan quinquennal pour le développement de l'éducation. Bujumbura, 1974.

² См.: Танган С. А. Образование и общественный прогресс в развивающихся странах. М., 1975, гл. IV.

тичное участие сельских общин в покрытии расходов на их содержание. Существуют, однако, сомнения в том, что нынешний жизненный уровень бурундийского крестьянства позволит ему взять на себя эти расходы¹.

Очевидно также, что успех реформы может быть достигнут только при условии активного участия в ней абсолютного большинства бурундийских преподавателей. Особое значение имеют при этом национальные кадры высокой квалификации, которые должны постепенно заменить иностранных специалистов в области организации и планирования образования, без чего невозможна подлинно национальная школа. «Эта реформа необходима не только для того, чтобы обеспечить нашу экономику и наше общество кадрами и чтобы удовлетворить растущую потребность в образовании, — говорится в заявлении Министерства национального образования и культуры Бурунди, — но прежде всего для формирования национального сознания, для выражения потребности нашего народа в самоутверждении... Задуманная таким образом национализация образования равнозначна «деколонизации нашего сознания», являющейся необходимым условием политической деколонизации»².

Радикальная перестройка системы образования стоит на повестке дня большинства развивающихся стран. Существенное сходство их социально-экономических условий и исходных данных позволяет говорить о наличии общих направлений решения этой задачи. Осуществление основных положений реформ образования не только будет иметь непосредственное значение для экономики, но отразится на всем комплексе демографических процессов и будет способствовать изменениям в социальной структуре общества.

¹ Greenland I. The Reform of Education in Burundi; Enlightend Theory Faced With Political Reality. — «Comparative Education», Oxford, 1974, vol. 10, № 1, p. 61.

² Communication du Ministre de l'Éducation Nationale et de la Culture sur la Réforme de l'enseignement. — «Liaison». Bujumbura, 1974, № 10, p. 9.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ, ПРОДОВОЛЬСТВИЕ, РАЗВИТИЕ

Проблемы эти волнуют человечество извечно. О них много и по-разному пишут и говорят государственные деятели, политические лидеры, писатели и журналисты всего мира. Особенно в последние два-три десятилетия.

По инициативе ООН 1974 г. был объявлен Всемирным годом народонаселения. В августе того же года на Всемирной конференции по народонаселению всестороннему рассмотрению проблем обеспечения продовольствием быстро растущего населения развивающихся стран и поискам путей и средств их эффективного решения уделялось большое внимание¹. Эти вопросы нашли отражение в основном документе, принятом конференцией, — «Всемирном плане действий в области народонаселения».

Всемирный день здоровья, ежегодно отмечаемый 7 апреля, по предложению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 1974 г. проводился под девизом «Лучшее питание — здоровее мир», что, естественно, способствовало дальнейшему привлечению внимания к продовольственной проблеме². В ноябре 1974 г. в Риме состоялась Всемирная продовольственная конференция ООН, в которой приняли участие делегации 123 стран. На этом представительном форуме, созванном Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) по рекомендации Генеральной Ассамблеи ООН, разносторонне обсуждалось положение с продовольствием в современном мире. Одним из важных решений конференции явилось создание Всемирного совета по вопросам продовольствия под эгидой ООН.

Такой интерес мировой общественности к глобальным проблемам народонаселения, включающим поиски воз-

¹ В своем выступлении на открытии Бухарестской конференции Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм, в частности, подчеркнул, что эта конференция — одна из самых важных, когда-либо организованных ООН, которая внесет важный вклад в разрешение проблемы роста населения и нехватки продовольствия.

² «Здоровье мира», 1974, май — июнь.

можностей обеспечения всех людей планеты питанием в необходимом количестве и должном качестве, не случаен. Дело в том, что решение их только на узко национальной основе не дает и не может дать положительного результата.

Определяемые как одни из самых острых и злободневных вопросов нашего времени, неразрывно связанных с общим направлением и перспективами социально-экономического развития отдельных стран, они давно уже вышли за пределы их национальных границ. А потому и разрешаться должны международными усилиями. Отсюда возникает необходимость выработки стратегии согласованных совместных усилий.

Усиление внимания к проблемам народонаселения и продовольственной обеспеченности в значительной степени вызвано все более обнаруживающимся несоответствием темпов сельскохозяйственного производства росту спроса на продовольствие в развивающихся странах, население которых быстро увеличивается. Все шире и разнообразнее становятся его запросы на продукты питания в связи с интенсивным процессом урбанизации и определенным повышением благосостояния значительных масс населения в результате достижений ими в деле ускорения экономического роста. Этот «разрыв», являясь прямым следствием экономической отсталости — наследия колониального прошлого, в числе ряда других факторов отрицательно сказывается на процессах социально-экономического развития освободившихся стран.

Общеизвестно, что из всех жизненно важных потребностей человека первое место занимает питание. К. Маркс отмечал, что «производство продуктов питания является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще»¹. Но именно в продовольствии человечество в силу целого комплекса социальных, экономических и других причин во все времена ощущало дефицит. Некоторые современные буржуазные специалисты полагают, что он не устраним. Несмотря на невиданные достижения современной науки и техники, открывающие широкие возможности для повсеместного и значительного повышения сельскохозяйственного производства и развития всей пищевой индустрии, их прогнозы предвещают не улучшение, а даже ухудшенные положения с продовольствием. И прежде всего в не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 184—185.

благополучных в этом отношении экономически менее развитых странах. В качестве аргумента приводятся чаще всего высокие показатели прироста их населения, которые в ряде случаев по уровню и темпам ненамного ниже, а в ряде случаев даже выше темпов прироста производства продуктов питания¹.

Возможны ли подобные утверждения? Да, если допустить, что в будущем положение в развивающихся странах не изменится или изменится незначительно. Но маловероятно, чтобы народы этих стран примирились с предпринятой им участью постоянного полуголодного существования. Несмотря на то, что в соотношении «население — продовольствие» баланс пока складывается не в пользу продовольствия, имеются вполне реальные возможности для значительного улучшения обеспеченности населения развивающихся стран продуктами питания, хотя осуществить это на практике будет нелегко.

Всего лишь за четверть века (с 1950 г.) численность населения Земли увеличилась более чем на 1,5 млрд. человек². В настоящее время ежегодный прирост населения достиг почти 2%³. В абсолютном выражении численность населения мира за период 1970—1975 гг. возросла в среднем на 71,5 млн. человек в год. Согласно оценке Отдела народонаселения ООН, население планеты в 1976 г. станет больше на 77 429 тыс. человек по сравнению с 1975 г.⁴. Таким образом, на основании данных мировой демографической статистики можно заключить, что, начиная с 50-х годов, темпы роста населения, оставаясь устойчиво высокими, неуклонно увеличивались. Однако в этот же период рост производства продуктов питания постоянно был выше, чем происходило увеличение численности

¹ Проблема продовольствия: «Мы не достигли предела наших возможностей». — «За рубежом», 1974, № 47, с. 18—20; Боске М. Проблемы народонаселения и экономического развития. — «Nouvel Observateur», 1974, 2 sept.

² Для сравнения укажем, что в 1900 г. населения мира насчитывало только 1,6 млрд. человек.

³ При таких темпах прироста удвоение численности населения мира будет происходить через каждые 35 лет. Между тем в 40-х годах этот показатель был намного ниже и составлял 0,9%, а в первые два десятилетия нашего столетия — 0,7% (см.: Естественное движение населения современного мира. М., 1974; Demographic Yearbook, 1973. N. Y., 1974).

⁴ Single-year population estimates and projections for major areas, regions and countries of the world, 1950—2000. (ESA/P/WP.56, 6 Oct. 1975).

населения. Поэтому производство продовольствия в расчете на душу населения в среднем также возрастало, но замедляющимися во времени темпами. Об этом свидетельствуют материалы доклада ФАО «Народонаселение, продовольственная обеспеченность и развитие сельского хозяйства», специально подготовленного для Всемирной конференции по народонаселению ООН.

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста населения и производства продовольствия* в мире и крупных регионах, %

Регионы	1952—1962 гг.			1962—1972 гг.		
	Население	Производство продовольствия*		Население	Производство продовольствия*	
		всего	на душу населения		всего	на душу населения
Мир в целом	2,0	3,1	1,1	1,9	2,7	0,8
Индустриально развитые страны	1,3	3,1	1,8	1,0	2,7	1,7
в том числе:						
СССР и европейские социалистические страны	1,5	4,5	3,0	1,0	3,5	2,5
Западная Европа	0,8	2,9	2,1	0,8	2,2	1,4
Северная Америка	1,8	1,9	0,1	1,2	2,4	1,2
Океания	2,2	3,1	0,9	2,0	2,7	0,7
Развивающиеся страны	2,4	3,1	0,7	2,4	2,7	0,3
в том числе:						
Африка	2,2	2,2	—	2,5	2,7	0,2
Дальний Восток	2,3	3,1	0,8	2,5	2,7	0,2
Латинская Америка	2,8	3,2	0,4	2,9	3,1	0,2
Ближний Восток	2,6	3,4	0,8	2,8	3,0	0,2

* Без учета производства рыбпродуктов.

По расчетам ФАО, в течение 1952—1972 гг. среднегодовые темпы производства продовольствия на душу населения уменьшились во второй половине этого периода на 0,3 пункта по сравнению с первым десятилетием. Это снижение произошло, главным образом, за счет развивающихся стран, где этот показатель соответственно уменьшился на 0,4 пункта, причем в странах Ближнего и Дальнего Востока — на 0,6, а в Латинской Америке — на 0,2 пункта. Из всех регионов, относящихся к развивающимся

странам, только в Африке отмечался очень незначительный рост (всего 0,2 пункта), но это само по себе важно, так как в предыдущее десятилетие никакого роста производства продовольствия в сравнении с ростом населения тут не наблюдалось.

Примечательно, что среднегодовые показатели темпов прироста производства продовольствия в индустриально развитых и развивающихся странах, которые приводятся в таблице, одинаковы. Однако такая абстрактно-статистически благополучная картина возможностей сельскохозяйственного производства и его способности удовлетворять потребности населения в продуктах питания не отражает действительного положения вещей, наблюдаемого в мире и отдельных странах. Из-за больших различий в темпах прироста населения тот же показатель, исчисленный в расчете на душу населения, в 1962—1972 гг. в развивающихся странах был почти в 6 раз меньше, чем в индустриально развитых странах. При этом необходимо учитывать огромную разницу в абсолютных объемах, структуре и реальных потенциалах сельскохозяйственного производства, в достигнутом уровне потребления населения и степени насыщенности внутреннего рынка продовольствием у рассматриваемых групп стран. По всем отмеченным показателям развивающиеся страны значительно уступают индустриально развитым странам.

Кроме того, при анализе продовольственной проблемы в развивающихся странах обязательно следует принимать во внимание и такой существенный фактор, как эластичность спроса на продукты питания в результате роста доходов населения. Он имеет важное значение для оценки складывающейся продовольственной ситуации по тому, что в этих странах примерно 70% дополнительных потребностей в продовольствии в настоящее время создается только за счет прироста населения. Но поскольку уровень жизни большей части их населения крайне низкий, а многие сотни миллионов людей живут в нищете (см. табл. 2), малейшее улучшение их материального положения в первую очередь используется ими для удовлетворения острой потребности сначала в увеличении, а затем и улучшении рациона питания. Поэтому даже незначительный рост доходов населения существенно отражается на повышении его потребности в продуктах питания, удовлетворить которую, адекватно степени эластичности

спроса, маломощное сельское хозяйство пока не в состоянии¹.

Таблица 2

Численность и удельный вес населения развивающихся стран*, живущего на грани бедности** и нищеты*** по состоянию на 1972 г.

Континенты	Все население, млн. чел.	Население, живущее на грани			
		бедности	нищеты	бедности	нищеты
		млн. чел.		% ко всему населению	
Азия****	1 196	853	499	71	42
Африка	345	239	134	69	39
Латинская Америка	274	118	73	43	27
Всего*****	1 815	1 210	706	67	39

* По классификации Международной организации труда к развивающимся странам причисляют социалистические страны Азии, а также некоторые страны Европы и Океании.

** К лицам, уровень жизни которых находится на грани бедности (по принятым в Индии стандартам), относят неквалифицированных работников и членов их семей, имеющих годовой доход на душу до 100 долл. — в Азии, 115 — в Африке, 180 — в Латинской Америке и 500 долл. — в Западной Европе.

*** К лицам, живущим на грани нищеты (индийский стандарт), относят тех, кто имеет доход 1 рупию в день или годовой доход на душу 50 долл. — в Азии, 59 — в Африке, 90 — в Латинской Америке и 250 долл. — в Западной Европе.

**** Без социалистических стран в Азии.

***** Без развивающихся стран в Европе и Океании, население которых насчитывает в общей сложности 25 млн. человек.

Развивающиеся страны многообразны по своим историческим, экономическим, политическим, природно-географическим, демографическим и другим условиям, прямо или косвенно воздействующим на характер и объем сельскохозяйственного производства, степень обеспеченности населения продовольствием, режим и структуру его питания. По данным ФАО калорийность пищи, потребляемой в среднем одним человеком в сутки, ниже научно

¹ По оценкам экспертов ФАО, если бы темпы роста доходов в 1952—1972 гг. соответствовали в развивающихся странах темпам прироста населения, то фактически достигнутый объем производства продовольствия в этот период был бы меньше их без того крайне низкого внутреннего спроса на продукты питания в 54 из 85 развивающихся стран, по которым имеется статистическая информация. В этих 54 странах проживает почти 2/3 населения «третьего мира» (E/Conf.60/CWP/25, 4 June 1974, p. 4).

обоснованной нормы в большинстве развивающихся стран, в том числе в таких крупных странах, как Индия, Индонезия, Нигерия, Заир, Колумбия, Перу. Причем в ряде стран энергетический дефицит питания достигает 20% и более¹. Поэтому исключительно низкий среднестатистический показатель роста производства продуктов питания на душу населения (0,2%), по существу, означает, что огромные массы населения и группы стран пребывают в чрезвычайно бедственном, критическом положении. В 1974 г. продовольственная проблема в большинстве развивающихся стран еще более обострилась вследствие того, что предыдущие два года урожаи не покрывали потребности в продовольствии и переходящие запасы значительно сократились². По весьма ориентировочным и, очевидно, неполным оценкам, в современном мире около 2 млрд. человек недоедают или испытывают дефицит в пищевом белке, 700—800 млн. страдают различными видами расстройств здоровья по этой причине, более 460 млн. хронически голодают, несколько миллионов человек (особенно детей) ежегодно гибнут от голода и вызываемых им болезней³.

Беззащитность перед стихийными силами природы при отсутствии необходимых запасов продовольствия и низкой продуктивности сельского хозяйства превращает любой неурожай в проблему общенационального бедствия, означает трагедию для десятков миллионов людей. В результате многолетней засухи, которой подверглись ряд стран африканского Сахеля, в 1973 г. угроза голодной смерти нависла над 6 млн. его жителей. В том же году только в одной из провинций Эфиопии от голода погибло 200 тыс. человек, а общее число жертв голода в этой стране не поддается учету⁴. Тревожная обстановка складывается и в некоторых странах Латинской Америки, а также Южной Азии. По сообщениям печати, в резуль-

¹ Population, food supply and agricultural development. E/Conf. 60/SVR/25, 4 June 1974, annex.

² Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1974 г. и начало 1975 г. (приложение к журналу «МЭиМО», 1975, № 8, с. 130).

³ См.: Кротович В. Л. Растительные белки в питании человека. — «Природа», 1975, № 6, с. 8—14; Колесниченко Т., Федоров В. «Третий мир»: проблемы внутренние и внешние. — «МЭиМО», 1975, № 5, с. 132—137; Во имя человека. — «Правда», 1976, 7 февр.; «Хроника ВОЗ», 1974, т. 28, № 5, с. 267—271.

⁴ «Правда», 1973, 11 апр.; 1974, 25 ноября.

тате заморозков в 1975 г. в Бразилии погибло 48% урожая пшеницы. В штатах Парана, Сан-Паулу и Минас-Жерайс было уничтожено около 80% урожая. Для удовлетворения потребностей в зерне Бразилия была вынуждена импортировать 2,3 млн. т пшеницы¹. Урожай риса, основного продукта питания населения Индонезии, в результате длительного наводнения сократился в 1975 г. на Восточной Яве на 20%².

География голода и перечень факторов и причин, его обуславливающих, весьма обширны, и, как свидетельствуют события последних лет, тенденция к сужению его зоны четко не проявляется. Это обстоятельство, помимо вызываемых тяжелых санитарно-демографических последствий, прямо и косвенно препятствует, как уже отмечалось, успешному экономическому и социальному развитию освободившихся стран. Очень высокая заболеваемость и смертность, массовое физическое истощение людей вызывают огромные непродовольственные расходы и экономические потери. Они определяются, во-первых, необходимостью выделять дополнительные немалые средства для лечения болезней — следствия голода; во-вторых, потерями от временной нетрудоспособности, частичной и полной инвалидности; в-третьих, потерями из-за низкой производительности труда истощенных недоеданием и изнуренных болезнями людей. Исследования показывают, что достаточное и полноценное питание способствует значительному повышению производительности труда (например, при увеличении калорийности дневного рациона питания на 21% она возрастает на 50%)³.

Хронический дефицит в продовольствии и неспособность сельского хозяйства развивающихся стран удовлетворить на современном этапе потребности собственного населения в продуктах питания вынуждает правительства этих стран систематически прибегать к импорту продовольствия. Таким образом, непродовольственные расходы громадные средства, в том числе инвалютные.

Вынужденное отвлечение значительных средств на нужды потребления существенно сужает финансовые возможности для расширения важных секторов народного хозяйства, развитие которых может дать реальную перспективу развивающимся странам добиться экономической

¹ «Правда», 1975, 24 июля; 1976, 10 янв.

² «Правда», 1975, 25 мая.

³ Rozwoj i zacpanie gospodarce. Warszawa, 1963, s. 86.

независимости. Острая нужда в средствах заставляет их правительства обращаться за помощью к экономически развитым странам, что приводит к огромной внешней задолженности, размер которой в 1974 г. превысил 80 млрд. долл.¹ Поскольку основным поставщиком продовольствия являются развитые капиталистические страны, задолженность, а следовательно, и зависимость развивающихся стран от них возрастает.

Парадоксально, но факт, что развивающиеся страны, расположенные преимущественно в районах, природно-климатические условия в которых позволяют собирать по два и более урожая в год, почти целиком находятся в так называемом «поясе голода»². А страны, не располагающие такими возможностями, а также при значительно меньшей доли занятого в сельском хозяйстве населения, производят продукции столько, что ее хватает для удовлетворения высоких внутренних потребностей платежеспособной части населения, для экспорта, для образования гарантийных запасов. В развитых капиталистических странах в годы неблагоприятной конъюнктуры сельским производителям даже выплачиваются денежные компенсации за необработанные поля, чтобы не вызывать перепроизводства и снижения цен на продовольствие. Поэтому сельскохозяйственная продукция, не находящая сбыта, систематически уничтожается в больших количествах³, несмотря на то что даже в самых богатых капиталистических странах имеются миллионы людей, уровень жизни и питания которых мало чем отличаются от положения малоимущего населения развивающихся стран⁴. Это лишний раз подтверждает вывод Ф. Энгельса, что «предел производства определяется не количеством желудков, а количеством покупающих, платежеспособных кошельков»⁵.

¹ Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1973 г. и начало 1974 г. М., 1974, с. 128.

² См.: *Покшишевский В. В.* Человечество и продовольственные ресурсы. М., 1974.

³ Страны Европейского Экономического Сообщества в год расходуют около 100 млн. долл. на складирование и уничтожение «излишков» продовольствия (Journal Officiel des Communautés Européennes. Dec. 1965, № 120, annex, p. 45).

⁴ Проблема сведения концов с концами актуальна не только для безработных. Это хроническая проблема для 20% населения США — более 40 млн. обездолженных, причисленных к разряду бедняков (*Курдюмов Н.* С надеждой, но без иллюзий. — «Правда», 1976, 4 янв.).

⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 31, с. 394.

Такая поляризация социального положения, материального достатка и уровня питания разных общественных групп населения присуща и развивающимся странам, однако с одной характерной особенностью: удельный вес неблагополучных в этом отношении групп населения намного больше. Например, в Аргентине, где количество потребляемых калорий, приходящееся в среднем на одного человека в сутки, составляет 3150, а обеспеченность белками достигает 99 г, что почти на 20% больше необходимой нормы питания и соответствует стандартам обеспеченности продовольствием в индустриально развитых странах¹. Однако только в двух ее провинциях — Чако и Формоса — насчитывается почти полмиллиона детей с явными признаками истощения от хронического недоедания², а младенческая смертность в стране превышает 60‰, против 27,5‰ на Кубе³. Подобная картина с разными вариациями наблюдается во всех развивающихся странах.

Следовательно, продовольственная проблема в освободившихся странах — это также острейшая социальная проблема. Но если в таких странах, как Аргентина, Коста-Рика, Мексика, Уругвай, Бразилия, социальный момент служит главным препятствием для создания необходимых экономических предпосылок, которые способствовали бы справедливому перераспределению производимого продовольствия в интересах трудящегося населения, то в подавляющем большинстве других развивающихся стран эту задачу приходится и предстоит решать в условиях сильного демографического давления, при слабых возможностях существующей отсталой технико-экономической базы их народного хозяйства в целом и сельскохозяйственной отрасли в частности.

Состояние производства продовольствия, обеспеченность им населения и их последствия, о которых говорилось выше, выдвигает перед развивающимися странами задачу незамедлительной разработки эффективной программы, позволяющей добиться самообеспеченности продовольствием. Демографический рост в данном случае выполняет роль «подстегивающего» фактора: согласно последнему прогнозу ООН к 2000 г. население Африки

¹ E/Conf. 60/CBP/25, 4 June 1974, annex, p. 2.

² «Правда», 1976, 19 янв.

³ Population and Vital Stat. Report. Stat. Papers, Ser. «A», vol. 27, № 3, N. Y., U. N., 1975, p. 11, 15.

возрастет по сравнению с 1975 г. более чем в два раза, Латинской Америки — на 70%, Южной Азии — на 80% с лишним, а всех стран, относимых сейчас к разряду развивающихся, — почти на 73%¹.

Серьезность этого факта и вытекающие из него неотложность, масштабность и сложность проблемы, которую необходимо разрешить развивающимся странам в очень короткие сроки, неизбежно приводит к выводу, что добиться намеченной цели резкого подъема сельского хозяйства можно только с внедрением в эту отрасль индустриальных методов, с механизацией трудоемких процессов, применением передовой агротехники и других достижений научно-технического прогресса, т. е. развить такие магистральные направления, которые позволят «создать фундамент — и фундамент прочный, основательный — для превращения сельского хозяйства в высоко-развитый сектор экономики»².

Развивающиеся страны располагают огромными возможностями для многократного увеличения продуктивности сельского хозяйства за счет использования экстенсивных, но главным образом интенсивных факторов развития.

В Азии (за исключением Южной и Юго-Восточной Азии), Африке и Латинской Америке имеются большие резервы пригодной к обработке земли. При проведении ирригационных работ возможности увеличения культивируемой площади и получения гарантированных и высоких урожаев значительно расширяются. Например, в Шри Ланка из 16 млн. акров (акр=0,4 га) имеющихся в стране сельскохозяйственных угодий из-за недостаточного развития ирригационной системы обрабатывается лишь 4,5 млн. акров³. В Египте же благодаря Асуанской плотине, построенной с помощью Советского Союза, было орошено несколько сот тысяч гектаров прежде пустынных земель. Получаемые на этих землях урожаи риса позволили увеличить валовые сборы его с 150 тыс. т в 1960 г. до 2300 тыс. т в 1969 г., т. е. в 16 раз. В результате Египет не только смог удовлетворить свои собственные потребности, но и стал четвертым экспортером риса на международном рынке⁴.

¹ World population prospects, 1970—2000, as assessed in 1973. (ESA/P/WP. 53, 10 Mar. 1975, p. 12, 13).

² Материалы XXV съезда КПСС, с. 50.

³ См.: Менкес Е. Ветры перемен над «Жемчужным островом». — «За рубежом», 1974, № 25, с. 12—13.

⁴ «За рубежом», 1974, № 22, с. 10.

Сельскохозяйственное освоение новых территорий — неминуемый путь для многих развивающихся стран — непосредственно связано с вопросом охраны окружающей среды. Необходимы знания, опыт, система согласованных действий по рациональному и бережному природопользованию, чтобы, как говорил в отчетном докладе XXV съезду КПСС тов. Л. И. Брежнев, не оставлять после себя «бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства»¹. Это предупреждение актуально, так как, по подсчетам специалистов, за последние сто лет из-за эрозии уничтожено 2 млрд. га, что составляет 15% суши, или 27% земель интенсивного сельскохозяйственного использования². Губительная засуха в Сахеле, разрушительные наводнения в Индии и Бангладеш — следствия той же причины³.

К экстенсивным методам повышения обеспеченности населения продуктами питания относятся также отмена традиционных ограничений (табу) на некоторые виды продуктов (например, в Индии на говяжье мясо и молоко), использование продуктов Мирового океана, ликвидация потерь при уборке, транспортировке и хранении урожая. Скрытые резервы здесь очень велики. Например, только из-за неправильного хранения зерна теряется до 20% и более урожая⁴. Но возможности этих ресурсов увеличения физического объема продовольствия лимитированы. Поэтому перспективным направлением развития сельского хозяйства развивающихся стран является его интенсификация.

«Зеленая революция» — образное выражение процесса модернизации аграрной экономики на базе достижений научно-технического прогресса — открывает новые горизонты и возможности решения продовольственной проблемы. Только в одной Азии за короткий срок она распространилась на довольно большой территории: с 200 акров в 1965 г. до 50 549 тыс. акров в 1971 г.⁵ Странам, где «зеленая революция» получила наибольшее развитие, удалось резко повысить ежегодные сборы продовольст-

¹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 53.

² «Московский университет», 1976, 12 февр.

³ Wenger E. Environnement et tiers monde africain. — «Rev. franç. d'études polit. afr.». P., 1974, a. 9, № 102, p. 53—62.

⁴ Poor vs. Rich: A New Global Conflict. — «Time» (Europe), 22 Dec. 1975, p. 20—27.

⁵ World Population and Food Supplies: Looking Ahead. E/Conf. 60/CBP/19, 22 Mar. 1974, p. 11.

венных культур, особенно зерновых. Так, в Индии с 1965 по 1972 г. производство пшеницы выросло с 11 до 27 млн. т, что в значительной мере смягчило последствия, вызванные массовой иммиграцией беженцев из Восточной Бенгалии и неурожая 1972/73 г.¹

Однако это явление глубоко противоречиво. Сулящая большие и быстро достижимые выгоды «зеленая революция» требует огромных затрат на технику, ирригацию, удобрения, химические средства защиты растений, и особенно на подготовку кадров. Без этого комплекса мер она будет неэффективна, чем и объясняется узость ее базы, ее очаговый характер. Но главное заключается в том, что процесс модернизации сельского хозяйства на капиталистической основе неизбежно ведет к массовому обезземливанию и разорению трудового крестьянства, увеличению имущественного неравенства и тем самым к сужению базы для роста производства сельскохозяйственной продукции вследствие ограничения платежеспособного спроса на продукты питания в этих странах².

Анализ проблемы продовольственной обеспеченности населения в развивающихся странах показывает, что причинами ее обострения в современный период являются более глубокие, чем демографический рост, процессы, природа которых обусловлена сложным комплексом социально-экономических факторов. Проведение прогрессивных аграрных преобразований, строительство современной промышленности, осуществление культурной революции являются необходимым условием и предпосылкой успешного развития освободившихся стран, а следовательно, и решения продовольственной проблемы.

¹ Op. cit., p. 12.

² См.: Развивающиеся страны и «зеленая революция». Отв. ред. В. Г. Растяжников. М., 1974.

В основе марксистско-ленинского подхода к урбанизации в Юго-Восточной Азии лежит понимание этой проблемы как всемирно-исторического, многогранного социально-экономического процесса. Он не может быть отождествлен только с ростом численности городского населения и количества городов. Для урбанизации в широком смысле слова характерны процессы концентрации, интенсификации и диверсификации несельскохозяйственных функций, распространение городского образа жизни, прогрессивных форм расселения, развитие общения, городской культуры².

За последние два века процесс урбанизации на земном шаре постоянно нарастает, охватывая все большую территорию. Однако слабость статистического учета и несопоставимость данных не дают возможности проследить этот процесс во всей полноте. Только в XX в. демографы смогли достаточно полно учесть численность городского населения мира в целом, хотя точность данных по отдельным странам оставляла желать лучшего. Глобальные подсчеты до сих пор основываются лишь на критерии численности населения, так как системы унифицированных показателей, отражающих многогранность процесса урбанизации, пока не существует. Показатель людности (числа жителей) населенного пункта и количество пунктов с большим числом жителей могут в известной степени отразить уровень урбанизированности, но здесь возникает серьезная трудность: в каждой стране свои критерии города, далеко не всегда отвечающие общемировым поня-

¹ Юго-Восточная Азия (ЮВА) делится географически на две части: в материковую входят Бирма, Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ), Камбоджа, Лаос, Малайзия Западная и Таиланд; островная часть представлена Брунеем, Индонезией, Малайзией Восточной, Сингапуром, Тимором и Филиппинами.

² См.: Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация: сущность, факторы и особенности изучения. — В кн.: Проблемы современной урбанизации. М., 1972, с. 14.

тиям. Для межстрановых и региональных исследований городом обычно считается населенный пункт с числом жителей более 20 тыс. человек. За некоторыми исключениями под этот критерий попадают все те населенные пункты, для которых характерны подлинно городские формы жизни.

Доля населения городов, отвечающих описанному количественному критерию, увеличилась во всем мире с 14% в 1920 г. до 37% в 1970 г., т. е. в 2,6 раза. Особенно бурно этот процесс идет в развивающихся странах. Так, в ЮВА доля городского населения составляла в 1920 г. лишь 4,2%, а к 1970 г. выросла почти до 21,0%, т. е. в пять раз. Процесс урбанизации стал неотъемлемой частью социально-экономического развития стран Азии, Африки, Латинской Америки. Более того, в известной мере он является концентрированным выражением и причиной и следствий такого развития.

Хотя масштабы урбанизации в ЮВА¹ не столь велики, как в большинстве других освободившихся стран, темпы их роста достаточно стабильны (см. табл. 1). По прогнозу

Таблица 1

Динамика численности городского и сельского населения Юго-Восточной Азии (1950—1980 гг.)*

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Численность городского населения (пункты с числом жителей 20 тыс. и более), млн. чел.	26,0	39,0	60,0	94,0
Численность сельского населения (пункты с числом жителей менее 20 тыс.), млн. чел.	147,0	180,0	227,0	286,0
Доля городского населения во всем населении, %	15,0	18,0	20,7	24,7
Индексы роста городского населения (1950 г.—100)	100	150	231	362
Индексы роста сельского населения (1950 г.—100)	100	122	154	195

* World Population Situation. N. Y., 1971, tabl. 24, 25, p. 62—63 и расчеты автора.

¹ Современная политическая картина ЮВА чрезвычайно многообразна, однако народы региона в значительной степени сохранили исторически сложившуюся общность. В настоящей статье, рассматривающей основные тенденции урбанизации в странах этого региона, главное внимание сосредоточено на явлениях, имеющих общерегиональный характер.

ООН, доля населения ЮВА, живущего в населенных пунктах с числом жителей более 20 тыс., в 1980 г. составит 24—25%, а к 2000 г. поднимется до 33—35%.

История городов ЮВА резко отличается от европейской или североамериканской. К их прошлому вполне применимо высказывание К. Маркса о городах Азии: «...история Азии — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни (подлинно крупные города могут рассматриваться здесь просто как государевы станы, как нарост на экономическом строе...)»¹. Экономическое развитие городов древности и средневековья в ЮВА было вызвано не столько общественным разделением труда, сколько его распределением в соответствии с потребностями интересами государственной администрации, наряду с нуждами внешнеторговой деятельности².

После насильственного включения стран региона в систему хозяйства колониальных империй роль городов как внешнеторговых центров резко возросла. Преимущественное развитие получили портовые города, связывавшие колониальные владения с метрополиями. В колониальный период успехи в развитии отдельных отраслей хозяйства (горнодобывающей и лесной промышленности, плантационного хозяйства, некоторых видов транспорта) не изменили аграрный характер экономики стран ЮВА. Более того, социальный престиж города среди сельского населения был слишком низок, чтобы привлечь значительные его массы на фабрично-заводские предприятия, возникавшие в городах. Миграции сельского населения в города тормозились и относительной сбалансированностью спроса и предложения рабочих рук в деревне. Профессиональная неподготовленность коренных народностей к некоторым новым видам занятий (в промышленности, на транспорте, в административном аппарате) также заставляла колониальные власти искать иные источники трудовых ресурсов. Все эти обстоятельства породили такую ситуацию, при которой со второй половины XIX в. крупные города ЮВА стали во все возрастающих масштабах притягивать иммигрантов из двух соседних трудоизбыточных регионов — Южной Азии (в основном из Индии) и Дальнего Востока (в основном из юго-западных провинций Китая). Как индийская, так и китайская иммиграция

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 470.

² См.: Виткин М. А. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972, с. 67.

имеют давнюю историю, но в первой трети XX в. ее влияние на городскую жизнь стран ЮВА достигло небывалых размеров. В период между двумя мировыми войнами специфика социально-экономического и этносоциального положения превратила крупнейшие города ЮВА в инациональные центры. В таких городах (среди них Рангун, Батавия (современная Джакарта), Бангкок, Куала-Лумпур, Сингапур) коренные народы превратились в национальные меньшинства, а их экономическая и социальная роль, как правило, была еще менее значительна, чем их доля в населении.

Однако в тот же период начинает вызревать тенденция, которая после второй мировой войны проявилась в существенном изменении национального состава населения городов и значительном уменьшении роли иностранцев во всех сферах жизни стран ЮВА. Нормализация национальной структуры городов способствовал рост как политической, так и социально-экономической роли коренных народов. Бурный процесс формирования наций на основе доминирующих этносов резко ослабил влияние инациональных групп в городах. Правда, этот процесс в разных странах имел свою специфику. В таком, например, необычном образовании, как город-страна Сингапур, представители пришлых национальностей (китайцы, индийцы, выходцы из Европы) составляют подавляющее большинство, а местные жители (малайцы) занимают по численности весьма скромное положение. В Малайзии местные национальности составляют ныне около 50% всего населения, однако в городах их доля не превышает 25%. Усиленная «малаизация» государственного аппарата и некоторых других сфер деятельности приводит к обострению межэтнических столкновений, ареной которых часто служат именно города.

Опыт Таиланда показывает возможность относительно мирного и постепенно идущего слияния инационального (в данном случае китайского) меньшинства с коренными народами (таи). В середине 1972 г. в 37-миллионном населении Таиланда китайцы составляли (по нашей оценке) около 3,2 млн. человек. Половина из них проживает в Бангкоке и его пригородах, еще четверть — в крупных и средних городах. Процесс интеграции китайского национального меньшинства с социально-экономическим организмом страны протекал сравнительно мирно, путем взаимовыгодных компромиссов.

Иное положение сложилось в Бирме, Камбодже, Индонезии. Противоречия между переживающими период национальной консолидации коренными народами этих стран и пришлыми национальными меньшинствами привели к почти полному вытеснению отдельных национальностей (индийцев — в Бирме, вьетнамцев — в Камбодже в 1970—1974 гг.). Это коснулось прежде всего городского населения, в котором концентрация инациональных иммигрантов была чрезвычайно высока. Огромная роль городов во всех областях жизни не могла не придать большой значимости таким столкновениям, причинившим ущерб народному хозяйству и политической стабильности.

Урбанизация в ЮВА после второй мировой войны продемонстрировала большое разнообразие форм. Здесь и столичные города-приматы — огромные агломерации, взявшие на себя все функции производства и распределения (Бангкок, Манила, Джакарта и др.), и мелкие городки — административные центры, и многофункциональные города — центры горнорудной промышленности (Мочи — в Бирме, Суратани и Мунток — в Индонезии), городкурорты (Меймьо — в Бирме, Патая — в Таиланде), а также другие типы городов (общую численность и долю городского населения ЮВА см. в табл. 2).

Таблица 2
Численность и доля городского населения в странах Юго-Восточной Азии *

Страна	Год	Численность городского населения, тыс. чел.	Доля городского населения во всем населении, %
Бирма	1953	2 200	12,0
Бруней	1971	61	45,0
Индонезия	1971	20 765	17,4
Камбоджа	1962**	460	8,1
Лаос	1970**	444	15,3
Малайзия	1970	2 915	27,9
Сингапур	1970	1 909	92,0
Таиланд	1970	5 055	14,8
Тимор	1970**	92	15,0
Филиппины	1970	12 770	34,8
ЮВА в целом	1973**	около 60 000	около 20,0

* Величина городского населения исчислена на основании официальных статистических публикаций соответствующих стран и по национальным критериям (кроме Малайзии), поэтому данные, приведенные в таблице, несколько отличаются от данных табл. 1, составленной по материалам ООН.

** Оценка.

Практически во всех странах ЮВА наблюдался быстрый рост числа городов. Городское население за счет миграций из деревни увеличивалось намного быстрее, чем сельское. Везде численность жителей крупных и крупнейших городов возрастала быстрее, чем мелких и средних. Вместе с ростом городов шел рост промышленности, появлялись ее новые отрасли, усложнялась инфраструктура. Большая часть мелких предприятий и практически все крупные были размещены в больших городах, преимущественно в городах-приматах. Однако темпы создания новых рабочих мест в промышленности в целом резко отставали от темпов роста городского населения. Трудоизбыточность городов нарастала, несмотря на быстрое расширение сферы обслуживания, госаппарата, сети учебных заведений.

Чрезвычайная концентрация населения, капиталов, средств производства и, следовательно, числа функций в столицах и немногих других «узловых» городах (или, точнее, агломерациях «узловых» городов) представляет собой исторически преходящую форму решения задач экономического роста. В условиях резкой нехватки квалифицированных кадров и финансовых средств такая концентрация способствует наибольшей производительности труда, скорейшей оборачиваемости капиталов. Положительным является и разнообразие форм городской культуры и общения, которые возможны лишь в крупном городе. Рост городов несомненно увеличил взаимозависимость города и деревни, усилил денежное обращение в деревне.

В настоящее время столицы и некоторые другие крупнейшие города в ЮВА являются теми лидерами, на которых равняется все население. Эти города стали такими центрами производства и потребления материальных и духовных благ, где аккумулируется энергия всей нации. Крупнейшие города являются центрами распространения научно-технических знаний, передовых методов производства, новых форм социальной и политической организации, современной культуры в целом. Опыт большинства стран, завершающих или идущих по пути индустриализации и диверсификации хозяйства, подтверждает закономерность концентрации всех ресурсов нации в узловых пунктах или зонах, в данном случае — в крупнейших городах и их агломерациях.

Наиболее многонаселенная страна ЮВА — Индонезия — четко демонстрирует стагнационные тенденции в

развитии малых городов. Так, при росте всего ее населения за 1961—1971 гг. на 2,1% в год города с числом жителей от 20 до 100 тыс. человек росли лишь на 2,0%, а с числом жителей более 100 тыс. — на 3,2% в год. Интересно и другое: если отделить от последней группы города-миллионеры (их в 1971 г. было три — Джакарта, Сурабая и Бандунг), то темпы роста упадут в ней до 2,3% в год. Сами же города-миллионеры росли ежегодно в среднем на 4,0%¹.

На одной из характернейших черт урбанизации в ЮВА — образовании крупных агломераций — следует остановиться подробнее. Эта сравнительно новая форма развития городов получила распространение здесь повсеместно. Для такого полицентричного региона, как ЮВА, вполне естественно, что агломерирование на страновом уровне приняло вид так называемых городов-приматов. Этот процесс начался еще в колониальный период, когда в каждой стране ЮВА (Таиланд — особый случай) столичный город-порт выполнял функцию главного «звена» связи между индустриальной метрополией и аграрно-сырьевым компонентом — колонией. Уже тогда возникла гипертрофированная концентрация экономического и торгового потенциала, административной и военной власти в колониальных столичных центрах. В XX в. степень этой гипертрофированности продолжала расти. За время независимого развития государств ЮВА иерархическая структура городов усложнилась, но не претерпела существенных изменений: огромная роль городов-приматов осталась непоколебленной. Если в отдельных странах в последние годы официальные данные и показывают снижение индекса «неравномерности», то это связано с недоучетом безостановочного разрастания пригородов и углубления процесса агломерирования. Вокруг городов-приматов множится число городов-спутников, полностью ориентированных в своей экономической, политической и культурной жизни на центр агломерации.

Подчеркивая важность и объективную закономерность роста крупных и крупнейших городов в ЮВА, нельзя не отметить, что сверхбыстрый рост порождает и

¹ Рассчитано по материалам переписи населения Индонезии в 1971 г. В 60-е годы Джакарта несколько уступала по темпам роста г. Сурабая (соответственно 4,41 и 4,44% в год). Но в 70-е годы столица решительно вырвалась вперед — 5,8% в год («Indonesia Times», 1975, 23 Sept.).

Индексы «неравномерности» городской сети в странах ЮВА
(соотношение величин численности жителей 1-го
и 2-го города страны)*

Индонезия (Джакарта : Сурабая)	Таиланд (Бангкок : Чиенгмай)	Малайя (Сингапур: Пинанг)
1930 г. — 1,5	1947 г. — 14,5	1931 г. — 2,9
1961 г. — 2,9	1960 г. — 25,9	1947 г. — 2,7
1971 г. — 2,9	1967 г. — 31,9	1957 г. — 3,4
Бирма (Рангун : Мандалай)	Малайзия (Куала-Лумпур : Джорджтаун)	Филиппины (Манила-Кесон : Давао)
1941 г. — 3,0	1957 г. — 1,3	1940 г. — 4,6
1953 г. — 3,9	1970 г. — 1,7	1948 г. — 6,5
1964 г. — 4,7		1960 г. — 5,9
1973 г. — более 6		1970 г. — 5,3

* Официальные статистические публикации соответствующих стран.

новые проблемы. Анализ трудностей, с которыми столкнулись развивающиеся страны в этой области, привел к появлению понятия так называемой «ложной урбанизации». Этот термин применяется в таких ситуациях, когда в течение длительного времени количество трудоспособных мигрантов, прибывающих в город, и объем трудовых ресурсов, естественно воспроизводимых самим городом, превышают возможности трудоустройства, а городское хозяйство не в состоянии удовлетворить даже минимальные потребности быстро растущего населения в жилье и бытовых услугах. Если такое положение сохраняется в течение многих лет, то это приводит к громадному росту безработицы, «распуханию» трущобных кварталов, которые подобно раковой опухоли проникают в центр города и охватывают его кольцом уродливых пригородов, к хронической нехватке питьевой и промышленной пресной воды, неспособности ассенизационных служб обеспечить чистоту в городе и т. д. В таком городе ухудшаются как гигиенические, так и социально-экономические условия обитания.

Быстрое и практически бесконтрольное развитие городов и урбанизированных зон в ЮВА привели к обострению экологического баланса. Немаловажно, что подавляющая часть промышленных предприятий и транспортных средств сосредоточена здесь на очень ограниченной площади. Эти зоны характеризуются наивысшими показателями урбанизации, а крупные города, как правило,

окружены районами с наиболее четко выраженным аграрным перенаселением. Таким образом, имеет место кумулятивный эффект воздействия производственных процессов и населения на природную среду.

Искусственная среда обитания, которая создается в результате стремительного и хаотического развития крупнейших городов и агломераций региона (Манила, Джакарта, Бангкок и др.), в послевоенный период имеет тенденцию к постоянному ухудшению. Города «расползаются» скопищами одноэтажных жилых массивов, зоны бидонвиллей сливаются с пригородными поселками и деревнями. Жилищное строительство, водоснабжение и канализация отстают от темпов роста городского населения, и, следовательно, перспективы улучшения бытовых условий рядового горожанина малоутешительны¹. Финансовые возможности государства и муниципалитетов настолько сильно отстают от потребностей, что на симпозиуме ООН по проблемам народонаселения, ресурсов и окружающей среды (Стокгольм, 1973 г.) была выработана рекомендация правительствам развивающихся стран тропического пояса отказаться от программ государственного жилищного строительства, сосредоточив все усилия и средства на решении проблем транспорта, водоснабжения и удаления отходов. Строительство жилищ предложено проводить собственными силами жителей городов из подручных материалов на бесплатной предоставленной земле². Появление подобных рекомендаций отражает тревожную перспективу развития неблагоустроенных, а иногда просто непригодных для жизни человека городов в развивающихся странах.

Говоря о быстром росте крупных и сверхкрупных городов, необходимо указать на резкий рост того давления, которое они оказывают на остальную территорию страны, чтобы снабдить себя продуктами питания, сырьем для промышленности и обеспечить устойчивый поток экспортных товаров из периферии в центр. Оно выражается в виде налогов, тарифов, контроля над процессом

¹ Некоторое исключение составляет Сингапур, где удалось добиться определенных успехов в государственном жилищном строительстве и в деле охраны природной среды.

² См.: Всемирная конференция по Народонаселению, Бухарест, 1974. Доклад Симпозиума по Народонаселению, Ресурсам и Окружающей Среде (Стокгольм, 26/IX—5/X 1973). Русский язык, с. 11 (E/CONF.60/CBP/3).

обмена и другими средствами. Поскольку давление зачастую носит внеэкономический характер, а обмен продуктами неэквивалентен, разрыв в социальном статусе и напряженность противоречий между городом и деревней весьма значительны и, видимо, продолжают нарастать.

В ЮВА с проблемами «ложной урбанизации» сталкивается подавляющее большинство крупных городов. Хорошо известна острота жилищного кризиса в Маниле¹, Джакарте², Сурабае, Бангкоке, Рангуне и многих других городах. В них комплекс «ложной урбанизации» представляет собой множество тесно связанных трудностей. «Помогая» друг другу, соседствуют бедность и безработица, перенаселенность и антисанитария, нерациональное размещение промышленных предприятий и неразвитость транспорта, социальные контрасты и преступность.

Одной из отличительных и особенно характерных для ЮВА причин возникновения «ложной урбанизации» был мощный поток беженцев. Борьба за независимость и более или менее длительный период гражданских войн и национальных конфликтов сделали типичной картину бегства сельских жителей в поисках безопасности в города. В таких странах, как Камбоджа, Лаос, огромное число беженцев породила борьба с агрессией американского империализма. В других частях региона проблема беженцев возникала лишь в отдельные периоды, каждый раз серьезно обостряя ситуацию в городах.

Особо следует остановиться на роли городов в акселерации этнических процессов. Выше уже говорилось о судбах китайской и индийской иммиграций в городах ЮВА. Не меньшую сложность представляют проблемы многочисленных коренных народов. В большинстве стран ЮВА процесс образования наций еще не завершен. Имеются государства, где наряду с доминирующим этносом насчитывается немало крупных народов, народностей и племен, слабо интегрированных в социально-экономическую структуру. Такие этнические единицы занимают

¹ Филиппинский демограф Х. Меркадо считает, что при нынешних темпах роста численности населения Манилы (более 4% в год) проблема трущоб неразрешима (*Mercado Juan L. Manila Mirrors Problems and Hopes of Asian Cities.* — «*Jakarta Limes*», 3 Aug. 1973).

² Как заявил в 1972 г. вице-губернатор Джакарты Суфондо, 45% жилого фонда города должно быть снесено из-за ветхости и неблагоустроенности (*Asia Research Bulletin*, Oct. 1972, vol. 2, № 5, p. 1287).

порой значительную и даже большую часть территории той или иной страны. Доминирующий этнос служит в этой ситуации естественным стержнем формирующейся в современных политических границах нации (тай — в Таиланде, яванцы — в Индонезии, бирманцы — в Бирме). В регионе есть страны, где процесс образования наций в целом завершен и консолидация стала реальным фактом (например, Таиланд). Есть и столь сложные в этническом отношении конгломераты, как Малайзия, где складывание нации — дело будущего.

При таком разнообразии этнических форм роль города в странах ЮВА приобретает особо важное значение, как универсального интегратора, всемерно интернационализирующего формы общения. Это важно подчеркнуть, несмотря на факты серьезных межнациональных столкновений в городах ЮВА. Только за последние 15 лет они имели место в Малайзии, Индонезии, Бирме, Камбодже. Причина этих явлений в сложности этносоциальной картины в регионе, оставшейся молодым государствам в наследство от колониального и доколониального периодов. Пришлое население концентрировалось прежде всего в городах, часто образуя замкнутые этносоциальные группы. Процесс этногенеза, резко усилившийся после второй мировой войны, проявился в городах с огромной силой, а интегрирующий характер расселения и деятельности не всегда мог взять верх над националистическими и шовинистическими тенденциями.

Положение представителей коренных национальных меньшинств в городах региона, как правило, неблагоприятно. Они быстро теряют родной язык и культуру, им труднее найти работу и жилье. Когда в городе проживает значительное число представителей какой-либо малой народности, они обычно образуют общину или землячество, роль которых весьма противоречива. С одной стороны, община помогает мигранту адаптироваться в новой среде, поддерживает его в начальный, самый трудный период, помогает трудоустроиться, найти жилье. Она является хранительницей культуры и языка, защищает от притеснений со стороны государства и других общин. С другой стороны, община тормозит приобщение мигранта к общенациональной городской культуре, объективно задерживает процесс овладения основным языком страны, культивирует националистические предрассудки. Однако нужно подчеркнуть, что любая из сторон деятельно-

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

сти общин представителей малых коренных народов в городах ЮВА должна анализироваться конкретно, так как значение одних и тех же факторов в разных городах и странах региона различно.

Обостренность этнических проблем в городах является характерной чертой ЮВА и сильно отличает этот регион от всех его соседей — Южной Азии, Дальнего Востока, Австралии и Океании. Проблемы городов ЮВА требуют пристального внимания и изучения, так как именно в них будут решаться судьбы дальнейшего развития национально-освободительного движения в этом регионе.

Правительства развивающихся стран, сталкиваясь с проблемами, связанными с быстрым приростом их населения, стремятся сгладить остроту проблемы занятости, продовольствия, улучшить обеспеченность населения жильем и медицинской помощью посредством так называемого планирования семьи. Планирование семьи — это комплекс мер демографической политики по регулированию процессов воспроизводства населения. В развивающихся странах оно направлено на сокращение прироста численности населения. Если в 1967 г. насчитывалось более 10 стран, где мероприятия по контролю над рождаемостью были провозглашены государственной политикой, а также приблизительно 20 стран проводили такие мероприятия не на правительственном уровне, то в 1972 г. первых уже было — 31, а вторых — 28, и на их территории проживало свыше 70% населения Азии, Африки и Латинской Америки.

О масштабах помощи, которую оказывают развивающимся странам в осуществлении политики планирования семьи развитые страны, свидетельствуют данные роста Фонда ООН для деятельности в области народонаселения, образованного на Генеральной Ассамблее в 1967 г. В 1967—1970 гг. в него было внесено 20,4 млн. долл., в 1971 г. — 28,4 млн., в 1972 г. — 30,4 млн.¹, в 1973 г. — бюджет Фонда составил более 40 млн. долл., в 1974 г. — свыше 68 млн.² Странами — членами Комитета содействия развитию ОЭСР³ в течение 1971 г. было выплачено

¹ Development cooperation. P., 1973, p. 23.

² 1974 Report UNFPA. N. Y., 1975, p. 8.

³ ОЭСР — Организация экономического содействия развитию — образована в соответствии с конвенцией, подписанной 14 декабря 1960 г. в Париже странами — членами Европейского Экономического Сообщества, Канадой и США. В 1962 г. в рамках организации был создан Центр развития, одной из функций которого является оказание помощи программам планирования семьи.

развивающимся странам на программы планирования семьи 176 млн. долл.¹

Наиболее значительную роль во всей этой деятельности как через международные организации, так и на двусторонней основе играют США. Их доля в упомянутом Фонде ООН составляла в 1967—1971 гг. 50%, в 1972 г. — 48%, в 1973 г. — 45%. На двусторонней основе правительство США выделило для поддержки программ планирования семьи в 1968 г. 35 млн. долл., а в 1972 г. ассигнования увеличились почти в три раза и достигли 125 млн. долл. В 1973—1974 гг. эти суммы ежегодно возрастали на 25 млн. долл.²

Такая активизация, вызванная, казалось, озабоченностью США ускорением темпов прироста населения развивающихся стран, в действительности обусловлена изменением взаимоотношений США и развивающихся стран. Поддержка программ планирования семьи занимала определенное место в проводившейся в 60-е годы политике «новых рубежей», а с начала 70-х годов получила приоритет и стала составной частью доктрины «неоколониалистского партнерства».

Эта доктрина, являющаяся развитием империалистической политики, направленной на подчинение развивающихся стран, представляет собой своеобразную концепцию перестройки отношений между США и развитыми капиталистическими странами, с одной стороны, и развивающимися — с другой. Опыт периода деколонизации показал американским правящим кругам, что попытки тормозить экономическое развитие государств Азии, Африки и Латинской Америки в целях сохранения в них господствующих позиций американских монополий, как и попытки навязывания этим государствам различных военных блоков и союзов, в принципе обречены на провал и оборачиваются для США значительным уроном в их внешней политике. Поэтому «неоколониалистское партнерство» для сохранения и закрепления положения развивающихся стран в качестве аграрно-сырьевого придатка капиталистического мира предусматривает, во-первых, содействие только такому экономическому развитию этих стран, которое соответствует хозяйственной специализации, сложившейся в них в рамках мирового капи-

¹ Development cooperation, p. 24.

² Foreign economic assistance 1973. Hearings before the Committee on foreign relations United States Senate. Wash., 1973, p. 297.

талистического рынка, во-вторых, стабилизацию внутреннего положения в наиболее важных для США странах путем поддержки сил, ориентирующихся на капиталистический путь развития и сотрудничество с американским империализмом. Основными средствами достижения этих целей призваны служить частный капитал и неэкономические формы экспансии — социальная и идеологическая, которым придается особое значение и которые не просто дополняют экономическую экспансию, а все чаще выступают как самостоятельные звенья политики США. Последнее не случайно — в таких формах экспансии подлинные устремления империализма тщательно завуалированы и трудно распознаваемы.

Поддержка США программ планирования семьи в развивающихся странах в советской литературе справедливо охарактеризована как составная часть социальной экспансии¹. И хотя доля выделяемых на нее средств в общем объеме американской «помощи» развитию невелика², от их затрат империалисты ждут значительный неэкономический эффект. На его достижение направлены и другие меры, например такие; как обучение специалистов за счет фондов «помощи» в США и самих развивающихся странах. При этом учитывается, что они понесут в эти регионы американский образ мыслей, американские методы, а нередко и формы управления. Эти специалисты, как правило, занимают видные посты в государственном аппарате. Если учесть, что регулирование демографических процессов уже сейчас является неотъемлемой частью программ развития большинства развивающихся стран, а в будущем — это важный сектор государственного планирования, широкое поле деятельности государства, то станет очевидным, что США рассчитывают на то, что все специалисты-демографы, подготовленные по американскому образцу, найдут должное применение. Их деятельность, а также тех американских экспертов-демографов, которые в счет средств «помощи» оказывают консультации, широкая политическая кампа-

¹ См.: Шетинин В. Д. Эволюция американского неоколониализма. М., 1972, с. 153.

² Так, государственные и частные расходы США на оказание содействия сокращению рождаемости в развивающихся странах составили в 1970 г. примерно 2% суммы всей американской «помощи» развитию этим странам (см.: Department of State Bulletin. 1970, 21 Sept., p. 320). Приблизительно такое же соотношение сохранялось и в последующие годы.

ния вокруг проблем народонаселения, осуществляемая на эти же средства, — все это так или иначе призвано способствовать проникновению государственно-монополистического капитализма США в эти страны «сверху», через надстройку.

Всемирная конференция ООН по народонаселению (Бухарест, 1974 г.), несмотря на жесткое давление со стороны делегации США, признала, что проблема роста населения и сокращения рождаемости не является центральной в условиях развивающихся стран. Такое признание явилось результатом совместного выступления делегаций развивающихся и социалистических стран. Принятый конференцией «Всемирный план действий в области народонаселения» отмечает, что первоочередными для развивающихся стран являются задачи экономического и социального развития, окончательного освобождения от империалистической зависимости. Что касается темпов роста населения и высокого уровня рождаемости, то именно это социально-экономическое развитие будет создавать предпосылки для их снижения. Таким образом, конференция подтвердила тот факт, что навязывание развивающимся странам любых положений, не согласующихся с их собственной позицией, встречает все более сильное сопротивление с их стороны.

Что касается социальной экспансии США в развивающихся странах посредством поддержки программ семейного планирования, следует отметить, что ее окончательный результат будет складываться в процессе противоборства империалистических и антиимпериалистических тенденций.

Свои подлинные намерения США тщательно пытаются прикрыть рассуждениями о разрешении «общечеловеческих задач». Так, например, на конференции по народонаселению, проведенной ОЭСР (Париж, 1968 г.), в докладе Р. Равенхолта — сотрудника отдела народонаселения Управления международного развития США (УМР) утверждалось: «Конечной целью программы планирования населения и семьи, осуществляемой Управлением международного развития, является улучшение здоровья, благосостояния и экономического положения людей в развивающихся странах путем улучшения условий человеческого воспроизводства в этих обществах»¹.

¹ Population International assistance and Research. P., 1969, p. 58.

В таких же демографических тонах сформулированы и основные принципы, на которых осуществляется поддержка программ планирования семьи: 1) помощь оказывается в ответ на специальный запрос и используется для стимулирования и расширения собственных усилий страны; 2) участие стран и их населения в программах планирования семьи осуществляется добровольно; 3) США в странах, получающих помощь, не проводят свою политику населения, а только способствуют проведению внутренней политики страны¹. Все это, однако, не мешает США настаивать на придании принципа приоритета программам населения в национальных программах развития, а в случае отказа лишать страны поддержки в других областях экономического и социального развития².

Правительство США не сразу пришло к признанию необходимости в своей внешнеполитической деятельности уделять внимание проблеме роста населения в развивающихся странах. В 1959 г. президент Д. Эйзенхауэр, комментируя доклад президентской Комиссии по изучению программ взаимной безопасности³, отметил, что рост населения в развивающихся странах и контроль над рождаемостью не являются делом федерального правительства. Однако уже два года спустя его преемник Дж. Кеннеди иначе оценил фактор роста населения в развивающихся странах. Он высказал мысль, что этот рост угрожает экономическому развитию этих стран. Поскольку последнее выдвигалось в качестве цели политики «новых рубежей» в отношении развивающихся стран, США, по мнению Дж. Кеннеди, должны были уделить росту населения в этих регионах значительное внимание и оказывать поддержку в разрешении проблем народонаселения⁴. Л. Джонсон еще более четко определил линию США в этом вопросе. В своем послании конгрессу 5 января 1965 г. он отмечал: «Я буду искать новые пути применения наших знаний, чтобы помочь справиться с

¹ Guidelines for assistance to Population Programmes. M. O. 1612: 57. Agency for International Development, Sept. 15, 1967.

² Foreign assistance and Related Agencies Appropriations for 1969, p. 333.

³ Draper W. N. The Population Question in the Composite Report of the President's Committee to Study the United States Military assistance Program. Wash., Aug. 17, 1959.

⁴ Department of State Bulletin, 10 Apr. 1961, p. 507; J. F. Kennedy President Press Conference of Apr. 24, 1963. — «New York Times», 25 Apr. 1963, p. 15.

демографическим взрывом во всем мире и со все возрастающим истощением мировых ресурсов»¹. Тогда УМР объявило о готовности удовлетворять просьбы о поддержке программ планирования семьи техническими средствами, товарами и фондами местной валюты. 1966 г. был отмечен важным шагом в развитии политики США по рассматриваемому вопросу — конгресс выразил свое отношение к программам планирования семьи в развивающихся странах в двух законах: «Акте об иностранной помощи» 1961 г. (поправка X)² и «Закоме о продовольствии для дела мира». Он добавил к ним новые специальные пункты об использовании валюты США или местных валют, получаемых главным образом при оплате американских товаров за границей, на нужды этих программ.

В начале 70-х годов официальная позиция американского правительства в отношении быстрого роста народонаселения развивающихся стран оформилась окончательно. В настоящее время этот рост рассматривается как негативный фактор развития этих стран, а оказанию «помощи» программам планирования семьи придан, как отмечалось выше, принцип приоритета.

Каналы, по которым такая «помощь» поступает в развивающиеся страны, различны. Это и правительственные учреждения, и университетские центры, и частные благотворительные фонды, и международные организации. Правительственная политика осуществляется через УМР при содействии госдепартамента, департамента здоровья, образования и социального обеспечения, управления информации, корпуса мира и проводится в тесном контакте с международными организациями. Средства, направлявшиеся УМР США на программы планирования семьи, составили в млн. долларов: в 1965 г. — 2,1, в 1966 г. — 3,9, в 1967 г. — 4,4, в 1968 г. — 34,8, в 1969 г. — 45,4, в 1970 г. — 74,6, в 1971 г. — 95,9³.

УМР оказывает содействие программам планирования семьи в различных формах. Главная из них — обучение специалистов низшего, среднего и высшего звена, участвующих в этих программах. Только в апреле 1970 — марте 1971 гг. на средства УМР были подготовлены 689 специалистов в области народонаселения из 33 стран.

¹ Jonson L. President State of Union Message to the Congress, Jan. 1965. Department State of Bulletin, 25 Jan. 1965, p. 94.

² Title X. Program Relating to Population Growth.

³ Population Program Assistance. Wash., 1971, p. 22.

660 из них были ориентированы на работу в программах населения и семьи и 29 — в области статистики населения¹. Не менее важной формой «помощи» программам планирования семьи являются также поставки американских товаров и оборудования как на льготных условиях с выплатой определенного процента стоимости, так и безвозмездно. Кроме того, УМР уделяет серьезное внимание разработке исследовательских проектов, связанных с программами семейного планирования.

Значительную роль в стимулировании программ населения и семьи в развивающихся странах играют американские частные организации и фонды. По неполным данным в США более 30 крупных частных фондов оказывают поддержку программам планирования семьи в развивающихся странах. Самые влиятельные из них — Совет по народонаселению, Патфиндер фонд, Фонды Форда и Рокфеллера, Комитет кризиса населения, Американская федерация планируемого родительства, Церковная служба мира.

Среди многосторонних правительственных организаций, занимающихся деятельностью в области народонаселения, в которых США играют далеко не последнюю роль, следует назвать ООН и ее специальные органы, Международный банк реконструкции и развития, ОЭСР, План Коломбо.

Несмотря на множество форм и обилие каналов поступления, американская «помощь» программам планирования семьи весьма ограниченно влияет на снижение рождаемости. Только немногим азиатским странам, получающим поддержку США, удалось в течение 60-х — первой половины 70-х годов более или менее снизить коэффициент рождаемости. Так, за этот период коэффициент рождаемости уменьшился в Сингапуре с 39 до 22‰, в Южной Корее — с 40 до 29‰, в Гонконге — с 36 до 19‰, в Малайзии — с 40 до 31‰². В других же, более населенных азиатских странах, сколько-нибудь значительного снижения не наблюдалось.

Такое явление не удивительно, поскольку ограниченные медицинскими мерами программы семейного планирования, сколь широко они не осуществлялись бы даже при поддержке извне, не могут принести ожидаемых ре-

¹ Population Program Assistance. Wash., p. 26.

² Economic Survey of Asia and Far East 1973. Bangkok, 1974, p. 16.

зультатов в условиях замедленного социально-экономического развития. То, что в перечисленных выше странах экономическое развитие происходило в 60-е годы наиболее быстро, лишний раз подтверждает, что процесс рождаемости может изменяться только в связи с изменениями социально-экономических условий его протекания.

Медицинские меры программ контроля над рождаемостью, пропаганда медицинских знаний о противозачаточных средствах могут лишь способствовать сокращению разрыва между желаемым и фактическим числом детей в развивающихся странах. Кроме того, такая пропаганда положительно влияет на охрану материнства и детства в этих странах. Однако все меры нынешних программ планирования семьи должны рассматриваться как дополнение программ социально-экономического развития не только формально, но и реально. При таком подходе, не переоценивая социальной роли программ семейного планирования и не придавая им значения панацеи от всех социально-экономических трудностей развивающихся стран, зарубежная, и в частности американская, поддержка этих программ может быть эффективно использована правительствами молодых государств.

В целом американская «помощь» программам планирования семьи призвана создать авторитет США как стране, якобы стремящейся к разрешению общечеловеческих проблем во всем мире. На деле же она является прикрытием для достижения целей государственно-монополистического капитализма США в развивающихся странах, а также политики неокOLONиализма.

Т. Сиверцева

О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ РОЖДАЕМОСТИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Общеизвестно, что раскрытие сущности демографических процессов связано прежде всего с анализом социальных и экономических условий, в которых они протекают. Однако прямолинейное понимание такой связи, не учитывающее диалектическое взаимодействие экономического базиса и многообразных явлений общественной жизни, неизбежно приведет к упрощенным социологическим схемам, которые только затрудняют анализ тех или иных проблем, в том числе и рассматриваемых в настоящей статье вопросов, связанных с выяснением причин различий процесса естественного прироста населения у различных народов, групп людей, близких по своему социально-экономическому положению. Поэтому, подчеркивая основополагающее воздействие на рождаемость социально-экономических условий, необходимо постоянно иметь в виду и социально-культурные и психологические факторы.

Стойкость исторически возникших традиций многодетности, до сих пор прочно бытующих у населения развивающихся стран, в значительной степени связана с распространенными там религиозными воззрениями. Это относится как к местным, племенным и национальным религиям (особенно связанным с культом предков), так и к «мировым религиям» — мусульманству, буддизму, христианству и др.

Говоря о влиянии традиций и религиозных представлений на рождаемость, нужно отметить, что распад религиозно-догматической морали, начавшийся в развитых капиталистических странах, затронул затем почти все развивающиеся страны, а особенно страны Латинской Америки. В связи с освобождением от колониальной зависимости и по мере развития национальной экономики, индустриализации, урбанизации, повышения уровня образования стал обозначаться отход верующих от церкви,

прежде всего рост атеизма среди рабочего класса¹. Однако в настоящее время все еще сохраняется высокая степень религиозности населения развивающихся стран.

Из «мировых» религий в развивающихся странах наиболее распространены: мусульманство — в Западной Азии и Северной Африке, индуизм — в Южной Азии, буддизм — в Восточной и Юго-Восточной Азии и христианство (католицизм) — в Латинской Америке².

Коротко остановимся на их отношении к рассматриваемой проблеме. Характерными чертами мусульманского общества являются ранние и всеобщие браки, традиции многодетности, многоженство, отрицательное отношение к мерам контроля рождаемости. Средний возраст вступления в брак в мусульманских странах значительно ниже, чем в христианских³. Инертность мусульман в усвоении современных мотивов и установок планирования семьи в немалой степени объясняется принижением по исламу положением женщины (доля экономически активных женщин в странах, исповедующих ислам, самая низкая в мире — менее 5%⁴), низким уровнем их образования (во многих из этих стран лишь около 10% женщин грамотны).

Индуизм основными своими положениями поддерживает высокую рождаемость. Он поощряет ранние браки, раннее деторождение, особенно рождение сыновей. Доктрины буддизма не обнаруживают четкого отношения к плодovitости и не призывают к многодетности. Почти все направления буддизма поощряют безбрачие и широкое развитие монашества, которое велико не только по разновидностям (от полумирского, временного до наследственного, пожизненного, например ламаизма⁵), но

¹ Примечательно, что, как отмечают некоторые исследователи, процесс дехристианизации захватил и большую часть католического клира в Латинской Америке (Григулевич И. Р. Церковь и революция в Латинской Америке. — «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 2).

² Следует отметить, что деление стран по религиозной принадлежности основной части верующих часто совпадает с делением по уровню их экономического развития. Поэтому при сравнении демографических показателей приходится иметь дело со всем комплексом социально-экономических и культурно-бытовых факторов, влияющих на эти показатели.

³ Kirk D. Factors affecting Moslem Natality. 1965 (WPC).

⁴ ILO, Yearbook of Labour Statistics, 1972.

⁵ По религиозным традициям каждый второй сын посвящается в ламы.

и по количеству монахов. Вместе с тем буддизм препятствует контролю рождаемости. Высокой плодovitости в странах распространения индуизма и буддизма, как и в мусульманском мире, способствуют неравноправие женщин, традиционно неодобрительное отношение к контролю над рождаемостью и низкий уровень развития общественного производства.

Наиболее распространенной из ветвей христианства в развивающихся странах является католицизм, господствующий во всех странах Латинской Америки. Для него характерно консервативное, отрицательное отношение к вопросам контроля рождаемости, отразившееся, в частности, в энциклике папы Павла VI «Человеческая жизнь» (1968). Однако в действительности такое отношение свойственно не для всего католического мира. Сравнимая между собой католические страны разного уровня производства, например Францию и страны Латинской Америки, можно заметить неодинаковое влияние католицизма на демографическое поведение населения, находящееся в зависимости от уровня социально-экономического развития этих стран. Во Франции уже давно и в широких масштабах практикуется применение противозачаточных средств, вопреки запретам католической церкви. В то же время в ряде латиноамериканских стран большинство верующих отвергает контроль над рождаемостью именно по религиозным причинам. Впрочем, и здесь религиозность семей начинает расшатываться под воздействием мощных социально-экономических процессов, что, естественно, постепенно снижает зависимость рождаемости от церковной морали. В связи с этим особый интерес представляют материалы, в которых рассматривается зависимость рождаемости от религиозной принадлежности при уравновешивании некоторых других данных (место жительства, доход, образование, занятия). Они показывают, что различные уровни рождаемости часто зависят от определенной религиозной принадлежности¹.

Специальные исследования степени влияния на рождаемость религиозности и образования позволяют сделать вывод, что последнее оказывает большее воздействие на этот процесс, нежели религиозность. Так, выборочное обследование женщин в детородном возрасте Сан-

¹ Freedman R., Smith J., Whelpton P. Socio-economic factors and religious differentials in fertility. — «American Sociological Review», Aug. 1961, vol. 26, № 4, p. 610.

Сальвадора показало, что набожность католичек сказывается на их рождаемости меньше, чем уровень их образования. Было установлено, что среди набожных женщин меньше рожали те, которые имели более высокий уровень образования¹.

Как известно, образование является одним из важнейших социальных факторов, влияющих на рождаемость. Страны, имеющие наименьшую долю неграмотных в возрастных группах старше 15 лет (Сянган, Филиппины, Шри Ланка — в Азии; Аргентина, Уругвай — в Латинской Америке), отличаются и более низкими коэффициентами рождаемости. Дифференциация по рождаемости в зависимости от степени образованности сохраняется и внутри стран. Выборочное обследование замужних женщин в Турции, проведенное в конце 60-х годов, показало, что в среднем на каждую замужнюю женщину с университетским образованием приходилось 1,4 детей, со средним образованием — 2,0, с неполным средним — 2,1, с начальным — 3,2, и на неграмотных — 4,2².

Влиянию в развивающихся странах степени образования на рождаемость посвящено немало исследований³. Большинство из них признается обратная связь между уровнем образования и рождаемостью. В Египте некоторые исследователи отмечают появление U-образной зависимости уровня образования и рождаемости: у неграмотных женщин отмечается самая высокая рождаемость, по мере повышения образования от начального к высшему сохраняется обратная зависимость, у женщин с университетским образованием наблюдается тенденция к повышению рождаемости. Однако широкое распространение эта зависимость в этой стране не получила⁴.

Обратная зависимость между образованием и рождаемостью может быть связана с некоторым повышением среднего брачного возраста супругов, с их большей социальной и культурной мобильностью, с ростом матери-

¹ Carlos I. C6mez. Religion, Education and Fertility Control in Latin America (UN WP Conference. Belgrade, 1965).

² The 2-nd European Population Conference. Official Document of the Conference. Strasbourg, 1972. Однако при этом следует учесть, что окончившие университет составляли лишь 0,5% опрошенных, тогда как неграмотные — 70%.

³ Hanna B., Abon H. Socio-Economic Fertility differentials in Arab Countries. — In: Fertility Trends and Differentials in Arab Countries. Cairo, 1971, vol. 2, p. 223.

⁴ Hanna B., Abon H. Socio-Economic Fertility ..., p. 225.

ального благосостояния и т. д. К тому же под влиянием образования значительно снижается роль религиозных нормативов и отживших традиций в области внутрисемейной жизни.

Урбанизация также оказывает весьма серьезное и в целом отрицательное воздействие на уровень рождаемости. Статистические обследования показывают, что между рождаемостью в городской и сельской местностях существует дифференциация. Сами понятия городского и сельского расселения в современной урбанистике все более утрачивают свою определенность, обрастая массой оговорок и уточнений. Сложность, неоднозначность понятий города и деревни переносится и в исследования динамики уровня рождаемости. Обычно с городскими агломерациями связывается более низкий уровень рождаемости, чем в сельских районах. Однако возможны и парадоксальные явления, когда высокий уровень рождаемости сохраняется именно там, где наиболее интенсивно протекают процессы урбанизации. Они характерны, например, для ряда развивающихся стран с наиболее выраженными контрастами урбанизированных массивов и полупатриархальных деревень, перенаселение которых заставляет миллионы крестьян вливаться в массу жителей гигантских городов, пополняя там огромную армию безработных. В непривычных условиях большого города одним из способов существования таких переселенцев является воспроизводство традиционных сельских институтов со многими их чертами, в том числе и высокой рождаемостью. Родственные связи с соответствующими моральными и экономическими обязательствами получают оправдание и поддержку именно в процессе урбанизации, разрушающем деревенский уклад, сельскохозяйственную систему расселения.

Известный интерес представляет исследование рождаемости в городах и деревнях арабских стран, дифференциация которой проявляется в различии детности.

Число детей до десяти лет на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет (данные начала 60-х годов)*

Страна	0—4 лет		5—9 лет	
	город	деревня	город	деревня
Марокко	796	965	744	889
Алжир	928	873	1 049	1 032

Продолжение

Страна	0—4 лет		5—9 лет	
	город	деревня	город	деревня
Тунис	876	1 024	877	914
Ливия	958	902	845	897
Египет	773	782	825	761
Сирия	964	1 083	868	998
Иордания	905	851	873	874
Ирак	956	1 050	847	964
Кувейт	1 070	1 010	842	934

* Fertility Trends..., p. 199.

Таблица показывает, что различие в показателе детности между деревней и городом в арабских странах неодинаково. В большинстве из них детность в селах выше, чем в городах, однако нередко она равна или даже ниже городской¹.

Отмечены и еще более высокие показатели рождаемости в некоторых городах. Так, в те же годы в Иерусалиме такой показатель был на 13% выше, чем в сельских районах. Увеличение рождаемости в городских условиях по сравнению с сельскими отмечается и в некоторых районах Западной Африки. Исследователи объясняют это сокращением интервалов между рожденьями в городских семьях, поскольку они часто пренебрегают табу в половой жизни и сокращают период кормления грудью, который при традиционных установлениях обеспечивал естественное регулирование деторождения. Кроме того, контроль над рождаемостью далеко не всегда воспринимается переселенцами, прибывающими в города из сел.

Приведенные данные показывают прямую зависимость уровня рождаемости от степени урбанизации районов, в которых проводились обследования. Причем общая тенденция такова, что с ростом урбанизации происходит снижение рождаемости, однако, как показали некоторые из обследований, такая картина не повсеместна. Она обусловлена сложностью означенной зависимости, взаимосвязанностью ее с другими социально-экономиче-

¹ Конечно, помимо указанных причин это может объясняться неточностью переписных данных, а также несвоевременной регистрацией рождений, которая особенно свойственна сельской местности.

скими показателями, влияющими на рождаемость, и требует дальнейшего изучения.

Таким образом, исследование некоторых факторов, влияющих на рождаемость в развивающихся странах, показывает неоднозначность их воздействия и требует комплексного подхода, учитывающего взаимодействие различных факторов. Поэтому проблема изучения социально-экономических и социально-культурных факторов в развивающихся странах требует дальнейшего изучения с целью решения проблем управления демографическими процессами рождаемости в условиях дифференциации уровня развития этих стран.

ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

До Великой Октябрьской социалистической революции территория современных советских социалистических республик Средней Азии — Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской — входила в состав Туркестанского края¹. Располагая благоприятными климатическими условиями, разнообразными природными богатствами и значительными трудовыми ресурсами, этот край был вместе с тем одним из самых отсталых и угнетаемых колониальных окраин Российской империи. Царское самодержавие в союзе с местной реакцией, в лице феодально-байских кругов и духовенства жестоко эксплуатировало трудовой народ, держало его в невежестве и нищете, лишало элементарных прав.

В результате осуществления Коммунистической партией ленинской национальной политики народы Средней Азии за годы Советской власти преодолели отсталость, унаследованную от дореволюционного прошлого, совершили в исторически короткий срок переход к социализму. Теперь республики Средней Азии представляют собой крупный экономико-географический район, занимающий важное место в народном хозяйстве Советского Союза. Исключительно высокие успехи достигнуты здесь и в области культурного строительства.

Характерная особенность быстрого и успешного социально-экономического развития республик Средней Азии заключается в том, что оно идет в условиях быстро-

¹ Туркестанским краем с 1886 г. официально называлась территория Средней Азии, присоединенная к Российской империи. Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции здесь были образованы Туркменская АССР (1918 г.), Бухарская и Хорезмская народные советские республики (1920 г.). В результате национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии в 1924—1925 гг. образовались: Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская АССР (с 1929 г. — Таджикская ССР). Киргизская АО (с 1926 г. — Киргизская АССР, а с 1936 г. — Киргизская ССР). Северная часть Туркестанского края вошла в Казахскую ССР.

го роста населения. Это важно отметить, так как некоторые буржуазные авторы, особенно идеологи неокOLONИализма, стремятся затушевать значение коренных социально-экономических преобразований для современных развивающихся стран и пытаются свести все трудности и даже невозможность преодоления ими отсталости только к проблеме чрезмерно высоких темпов роста в них населения. Конечно, нельзя не учитывать, что прогресс советских среднеазиатских республик, достигнутый в условиях быстрого роста населения, был обеспечен тем, что эти республики входят в многонациональный Союз Советских Социалистических Республик и в дружной семье народов опираются в своем развитии на мощь всей страны. Тем не менее опыт решения проблем народонаселения в советских республиках Средней Азии имеет определенное значение для развивающихся стран, поскольку исходный уровень развития дореволюционного Туркестанского края по экономическим, политическим, социально-культурным и демографическим показателям во многом был схож, а по некоторым показателям даже ниже уровня развития большинства современных освободившихся от колониализма стран. С учетом местных конкретных условий он может быть использован развивающимися странами при решении проблем народонаселения. Значение этого опыта тем более велико, что он является составной частью всемирно-исторического опыта СССР, создавшего развитое социалистическое общество и ныне успешно осуществляющего коммунистическое строительство.

В Туркестанском крае динамика демографических процессов обуславливалась прежде всего его экономической и социальной отсталостью, предопределявшей очень большую смертность, что даже при чрезвычайно высокой рождаемости приводило к незначительному естественному приросту. Режим воспроизводства населения характеризовался, как и в современных развивающихся странах, быстрой сменой поколений.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции положение изменилось. Как известно, высокий уровень рождаемости при резком уменьшении смертности и росте средней продолжительности жизни определяет динамику населения. Именно это стало одной из особенностей формирования народонаселения советских среднеазиатских республик. Численность населения здесь увеличилась за 1913—1975 гг. с 7,3 млн. до 22,9 млн.

человек, т. е. более чем в 3 раза. В результате более высоких темпов прироста населения удельный вес населения Средней Азии в общей численности населения страны возрос с 4,7% в 1926 г. до 9,0% в 1975 г.¹ Такие темпы роста населения, в том числе и трудоспособного, взаимосвязаны с быстрым развитием народного хозяйства. По сравнению с дореволюционным периодом, общий объем продукции промышленности к 1973 г. увеличился в Узбекской ССР в 51 раз, в Туркменской ССР — 58, в Таджикской ССР — 105 и в Киргизской ССР — в 245 раз, а валовая продукция сельского хозяйства этих республик — почти в 7 раз².

Для Туркестанского края было характерно значительное численное преобладание мужского населения над женским, исторически сложившееся под воздействием ряда факторов социально-бытового характера. За годы Советской власти в распределении населения по полу произошли значительные изменения в сторону сглаживания этой диспропорции. По данным переписи 1970 г. на каждую тысячу населения приходится 487 мужчин и 513 женщин. Решающим фактором выравнивания полового состава явились коренные социально-экономические преобразования, раскрепощение женщин местных национальностей, уравнивание их в правах с мужчинами, улучшение медицинского обслуживания и материально-бытового положения, рост культурного уровня и т. д.

Одним из важнейших изменений, происшедших в структурах населения среднеазиатских республик, является быстрый абсолютный и относительный рост городского населения и городских поселений.

Переход к крупному коллективному сельскому хозяйству, внедрение комплексной механизации и автоматизации в сельскохозяйственное производство позволили высвободить большое число работников, которые в плановом порядке направлялись в районы промышленного развития.

Процесс быстрого увеличения численности и доли городского населения обуславливался высокими темпами роста промышленного производства и особенно крупной промышленности, а также тех отраслей хозяйства, которые в силу своей специфики сосредоточены в городах.

¹ См.: Население СССР. 1973 г. М., 1975, с. 10, 12; Народное хозяйство в СССР в 1974 г. М., 1975, с. 9.

² См.: Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974, с. 212, 346.

Немаловажное значение имело и развитие транспорта и культурного строительства. Создание высших учебных заведений, научных центров и других учреждений культуры ускорило процесс урбанизации.

В результате возникли новые и возросли старые города и промышленные центры, значительное количество сел были преобразованы в поселки городского типа: в 1975 г. в городах и поселках городского типа проживало 40,8% всего населения Средней Азии (против 14% в 1913 г. и 23% в 1939 г.)¹.

За годы Советской власти претерпело большие изменения и местное сельское население. Хотя сельское хозяйство остается для него ведущей отраслью, во многих поселениях появились промышленные предприятия, мастерские по ремонту сельскохозяйственной техники, торгующие организации, заготовительные пункты, многочисленные учреждения культуры и здравоохранения. Увеличивается число сельских жителей, работающих в ближайших городских поселениях. Если раньше основная часть сельского населения представляла собой забытую полуграмотную массу, испытывавшую жестокую эксплуатацию со стороны феодалов и городской буржуазии, то теперь, благодаря широкому распространению среднего и высшего образования, созданию в селах сети культурно-просветительных учреждений, внедрению в сельское хозяйство новой техники и усилению связи между городом и деревней, сельское население по материальной обеспеченности и культурному уровню все более приближается к городскому.

Огромное значение в осуществлении ленинской национальной политики имеет советская система образования, органической составной частью которой является твердый курс на всеобщую грамотность всех наций и народностей СССР, создание национальных кадров, расцвет культур, социалистических по содержанию, национальных по форме, интернационалистических по духу.

Процесс ликвидации неграмотности в Средней Азии во второй половине 20-х — 30-х годов особенно быстро происходил в селах. Так, если в 1926 г. грамотные среди сельского населения составляли 5,6%, то в 1939 г. их число достигло 77,4%, что было обусловлено успехами коллективизации сельского хозяйства, коренным улучшением

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1974 г., с. 11; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. М., 1972, табл. 1.

ем материального положения, а также введением всеобщего. В результате культурной революции, осуществленной Коммунистической партией и Советским государством, Средняя Азия ныне стала районом сплошной грамотности, причем уровень грамотности женщин выравнивался с уровнем грамотности мужчин, а уровень грамотности сельских жителей сближился с грамотностью городского населения. И это свершилось там, где в начале XX в. статистики, анализируя данные переписи населения 1897 г., сделали вывод, что при сохранении существовавших тогда в России темпов образования всеобщая грамотность могла быть достигнута только через 4600 лет!

Опыт Советского Союза показал, что лишь государственный подход к ликвидации неграмотности может дать положительный результат. Если рассмотреть повышение уровня грамотности за советские годы в каждой отдельно взятой союзной республике Средней Азии, политика партии в области образования станет еще нагляднее: выравнивание образовательного уровня в них завершилось в основном к 1959 г. и окончательно — к 1970 г.

Наряду с достижением всеобщей грамотности неуклонно росла система народного образования. Число имеющих среднее образование в расчете на 1000 человек за 1939—1970 гг. увеличилось в Узбекской ССР в 8,3 раза, в Киргизской ССР — в 9,7, в Таджикской ССР — в 10,6, в Туркменской ССР — в 7,2 раза. Более высокими темпами росло число женщин со средним образованием — вдвое-трое быстрее, чем в целом по СССР.

Большие успехи достигнуты и в развитии высшего образования. В 1940/41 учебном году в вузах Средней Азии обучались 27,5 тыс. студентов, а в 1974/75 учебном году их численность увеличилась до 367,1 тыс., т. е. возросла в 13 раз¹.

Показателен рост образовательного уровня занятого коренного населения, который увеличивается особенно высокими темпами прежде всего среди женщин местных национальностей, что привело к уменьшению до минимума разрыва между образовательным уровнем женщин и мужчин.

Результаты неуклонного подъема экономики и культуры сказались на соотношении общественных групп населения среднеазиатских республик, в первую очередь на росте численности рабочих и служащих, что увеличило

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1974 г., с. 691.

их удельный вес и соответственно сократило долю колхозников во всем населении. Если в 1922 г. среднегодовая численность рабочих и служащих составляла здесь всего 143,0 тыс. человек, то в 1940 г. — уже 1268,0 тыс. человек, а в 1972 г. достигла почти 5,0 млн. человек, или 22,7% во всем населении. Среднегодовая численность рабочих и служащих по отдельным республикам Средней Азии за 1924—1973 гг. возросла: в Киргизии — в 49 раз, в Таджикистане — в 41, в Узбекистане — в 36 и в Туркмении — в 17 раз¹. Усиленное промышленное развитие вызвало перемещение занятого населения из отраслей сельскохозяйственного производства в промышленность и привело к увеличению доли рабочих с 39,0% в 1959 г. до 45,1% в 1970 г., а служащих — соответственно с 16,7 до 19,0%, в то же время доля сельского населения уменьшилась с 44,0 до 34,5%.

Качественные изменения, происшедшие за годы Советской власти в характере общественного производства и производственных отношений, а также в социальной общности классов и групп, нашли свое отражение в формировании рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции.

Необходимо заметить, что за эти годы изменилось не только абсолютное число рабочих и их удельный вес, но и их профессиональный состав. Труд рабочих стал намного квалифицированнее, что привело к росту производительности труда во всех областях сферы материального производства. Рабочему классу принадлежит ведущая роль в создании материально-технической базы коммунизма.

Большие сдвиги произошли и в среде служащих. До социалистической революции к ним относились главным образом чиновники колониальной администрации и сравнительно небольшая прослойка интеллигенции. Доля коренного населения среди служащих была ничтожно мала. В 1959 г. служащие (с членами семей) насчитывали 2397,0 тыс. человек, в 1970 г. — 3927,6 тыс. человек². Значительно изменился и их образовательный и профессио-

¹ Исчислено на основе данных справочника «Население СССР». М., 1974, с. 138.

² Отметим, что в 1926 г. служащих в республиках Средней Азии было больше, чем рабочих, но уже в годы первых пятилеток численность рабочих быстро увеличилась и в 1939 г. значительно превысила количество служащих.

нальный состав. Основную часть этой общественной группы образует интеллигенция, в которой преобладают представители местных национальностей — педагоги, инженеры, врачи, агрономы, научные работники, деятели литературы и искусства.

В результате бурного развития хозяйства и роста культуры в среднеазиатских республиках различия между основными классами и общественными группами населения постепенно стираются, что является достижением всемирно-исторического значения и свидетельством правильности политического курса КПСС в деле утверждения принципиально новых производственных и социальных отношений в национальных республиках.

Коммунистическая партия, претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, открыла женщинам национальных районов путь к активному участию в общественном производстве и общественно-политической жизни, к полной экономической самостоятельности, ликвидации их культурной и политической отсталости. Из года в год увеличивается удельный вес женщин в общей численности рабочих и служащих. Так, если в целом по СССР их удельный вес в общей численности рабочих и служащих за 50 лет (1917—1967 гг.) увеличился более чем в 2 раза, то в среднеазиатском регионе он возрос в 4 с лишним раза (в Узбекистане — более чем в 3 раза, в Киргизии — в 4 с лишним раза, в Таджикистане — почти в 8 раз и в Туркмении — в 3,5 раза). В 1972 г. женщины составляли 43% рабочих и служащих среднеазиатских республик.

В процессе коммунистического строительства обогатился и характер занятий населения. Это связано не только с возникновением новых отраслей производства, но и с развитием социальных отношений нового типа как в городах, так и в селах.

Материалы переписи 1970 г. показывают, что в Средней Азии 78,7% населения занято в отраслях материального производства и 21,3% — в отраслях непроизводственной сферы.

Характерно, что более 70,7% занятых в непроизводственных отраслях работают в просвещении, науке, искусстве и здравоохранении, т. е. в таких сферах общественно полезной деятельности, которая прямо и непосредственно направлена на повышение народного благосостояния. При этом необходимо отметить, что в области просвещения и здравоохранения женщины занимают значитель-

ный удельный вес. Кроме того, труд женщин широко применяется в торговле, общественном питании. В целом в непроизводственных отраслях народного хозяйства женщины составляют 53,8% всех занятых.

Женское трудоспособное население, составляя примерно половину всех потенциальных ресурсов труда рассматриваемого района, играет существенную роль в обеспечении народного хозяйства рабочей силой, а степень вовлечения женщин в общественное хозяйство и характер их занятости — один из важнейших показателей рационального использования трудовых ресурсов.

Из 7166,2 тыс. жителей Средней Азии, имеющих занятия, свыше 5500,0 тыс. человек заняты преимущественно физическим трудом и около 1650,0 тыс. человек — умственным. В 1959 г. доля занятых физическим трудом в общей численности занятых составляла 84,5%, а в 1970 г. она уменьшилась до 75,8%. Доля занятых умственным трудом за этот период увеличилась с 15,3 до 23,0%. Уменьшение доли занятых физическим трудом и увеличение удельного веса занятых преимущественно умственным трудом происходило в основном за счет женщин. Среди последних в наибольшей степени возросла численность инженерно-технических, медицинских, научных работников, педагогов, культурно-просветительных работников, а также работников планирования и учета.

Численность занятых в сельском хозяйстве Средней Азии к 1970 г. сократилась до 3050 тыс. человек. Доля занятых в этой отрасли народного хозяйства уменьшилась в Узбекистане с 59,8% в 1959 г. до 44,4% в 1970 г., в Киргизии — соответственно с 53,6 до 35,6%, в Таджикистане — с 62,9 до 46,4%, в Туркмении — с 49,2 до 37,8%. Основная причина этого — механизация сельскохозяйственных работ, обусловившая значительный рост производительности труда, который привел к снижению затрат живого труда. Механизированный труд в сельском хозяйстве все более превращается в разновидность индустриального труда, а увеличение числа занятых этим трудом в сельском хозяйстве способствует устранению существенных различий между городским и сельским населением.

Таким образом, за межпереписной период (1959—1970 гг.) значительно изменилась структура баланса рабочей силы в сторону резкого повышения удельного веса квалифицированных рабочих, что было обусловлено объ-

активными потребностями социалистического производства.

Рассматривая некоторые стороны социально-производственной структуры населения Средней Азии и его занятости, можно выделить следующие характерные для данного района закономерности: происходят существенные количественные и качественные изменения в составе и структуре занятого в общественном производстве населения; благодаря развитию просвещения, здравоохранения, науки, культуры, постоянному усовершенствованию обслуживания населения и систематическому повышению производительности труда в сфере материального производства, неуклонно повышается удельный вес занятых в отраслях непродовольственной сферы; в результате активного вовлечения в общественное производство, удельный вес трудоспособного населения, занятого домашним и личным подсобным хозяйством в общей численности трудовых ресурсов существенно сокращается.

Мы остановились на ряде вопросов решения проблем народонаселения в советских республиках Средней Азии. Понятно, что некоторые проблемы требуют дальнейшего изучения. К их числу относятся, например, низкая мобильность местного коренного населения, что затрудняет рациональное распределение населения. В некоторые трудозбыточные районы Средней Азии идет миграционный сдвиг из трудонедостаточных районов (прежде всего из Сибири). Однако важно подчеркнуть главное — проблемы народонаселения советских республик Средней Азии в основе своей решены. И это является одним из наглядных подтверждений великого значения исторического опыта развития многонационального Советского государства. «Невозможно переоценить, — отмечает Л. И. Брежнев, — вклад в историю человечества, который сделал за полвека созданный по инициативе Ленина, под руководством Коммунистической партии Союз Советских Социалистических Республик. То, что в СССР впервые было построено социалистическое общество, впервые было показано на практике, что такое по-настоящему равноправные братские отношения между народами, несомненно, будут помнить и ценить все народы во все времена»¹. Ныне этот великий опыт приумножается в борьбе за выполнение исторических решений XXV съезда КПСС.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1974, с. 101.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Колесов.</i> Проблемы экономического развития и рост населения в освободившихся странах	3
<i>Я. Гузеватый.</i> Проблемы взаимоотношения населения и природной среды в развивающихся странах	16
<i>М. Волков.</i> Рост населения и проблемы занятости в развивающихся странах	28
<i>Н. Королева.</i> Вопросы использования трудовых ресурсов в Латинской Америке	40
<i>Г. Ткач.</i> Социально-демографическая роль образования в развивающихся странах	47
<i>Э. Бурнашев.</i> Народонаселение, продовольствие, развитие	60
<i>А. Вяткин.</i> Урбанизация в Юго-Восточной Азии	73
<i>Н. Иванова.</i> Политика США в отношении планирования семьи в развивающихся странах	85
<i>Т. Сиверцева.</i> О социально-психологических факторах рождаемости в развивающихся странах	93
<i>Х. Салимов.</i> Опыт решения проблем народонаселения в советских республиках Средней Азии	100

CONTENTS

<i>V. Kolesov.</i> Problems of economic development and population growth in liberated countries	3
<i>Ya. Guzevatyi.</i> Problems of interrelation between population and natural environment in developing countries	16
<i>M. Volkov.</i> Population growth and problems of employment in developing countries	28
<i>N. Koroleva.</i> Problems of application of labour force in Latin America	40
<i>G. Tkatch.</i> Socio-demographic role of education in developing countries	47
<i>E. Burnashev.</i> Population, food and development	60
<i>A. Vyatkin.</i> Urbanization in South-East Asia	73
<i>N. Ivanova.</i> U. S. policy in connection with family planning in developing countries	85
<i>T. Sivertseva.</i> On socio-psychological factors fertility in developing countries	93
<i>Ha. Salimov.</i> Methods and experience of solving population problems in the Soviet Central Asian republics	100

**НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЕ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН**

Редактор *Т. А. Кобзева*
Техн. редактор *Р. Н. Феоктистова*
Корректоры *Г. А. Башарина, В. Л. Долгова*

Сдано в набор 21/VI 1976 г. Подписано к печати 19/X 1976 г.
Формат бумаги 84×108/32 Бумага № 3 Объем 3,5 печ. л.
Уч.-изд. л. 5,94 Усл. п. л. 5,88 Тираж 7000 экз.
А 15011 (Тематич. план 1976 г. № 46)
Заказ № 1843 Цена 36 коп.

Издательство «Статистика», Москва, ул. Кирова, 39.

Великолукская городская типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Псковского облисполкома, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

Издательство «Статистика» продолжает выпуск серии «Народонаселение». В 1977 г. выйдут из печати следующие издания:

Молодая семья (Социальные аспекты). 1977 (II кв.), 5 л. (Народонаселение), 33 к. — Авт.: Антонов А. И., Рапопорт С. С., Харчев А. Г. и др.

В сборнике рассматриваются пути формирования молодой семьи, роль и значение детей в семейной жизни, факторы, способствующие устойчивости брака, исследуются причины расторжения неустойчивых браков. Анализируются экономические, жилищные, моральные, этнические и социально-психологические стороны жизни молодой семьи.

Сборник представит интерес для социологов, экономистов, демографов, психологов, медиков, а также для широкого круга читателей.

Нечерноземье: демографические процессы. 1977 (II кв.), 5 л. (Народонаселение), 30 к. — Авт.: Агафонов Н. Т., Хорев Б. С., Голубев А. Н. и др.

В книге анализируются экономико-демографическая обстановка сельской местности Нечерноземья, особенности возрастной и половой структуры ряда областей, рассматриваются направления потоков мигрантов, в том числе из села в город и наоборот, преобразование малых городов и сельских поселений.

Сборник рассчитан на демографов, экономистов, географов, социологов.

Пожилые люди в нашей стране. 1977 (III кв.), 5 л. (Народонаселение), 33 к. — Авт.: Сонин М. Я., Волков А. Г., Калинин И. В. и др.

Средняя продолжительность жизни в СССР — 70 лет. Этот положительный фактор ведет к ряду демографических последствий. Одно из них — увеличение доли людей пожилого и преклонного возраста во всем населении. В сборнике рассматриваются экономические, социальные и демографические проблемы, связанные с этим процессом.

Сборник адресован экономистам, демографам, социологам, психологам, медикам. Он вызовет интерес и у широкого круга читателей.

Политика народонаселения в странах — членах СЭВ. 1977 (IV кв.), 5 л. (Народонаселение), 30 к. — Авт.: Бодрова В. В., Первушин А. С., Сабоди Э. и др.

В социалистических странах — членах СЭВ в последнее десятилетие проводится активная демографическая политика. Каковы ре-